

Религиозная организация —
духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская духовная семинария
города Владимира Владимирской Епархии
Русской Православной Церкви»

Кафедра богословия и библеистики

СУДЬБЫ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА - НАЧАЛА XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ИЕРЕЯ АНАТОЛИЯ ИВАНОВСКОГО

Выпускная квалификационная работа
студента 5 курса бакалавриата ВДС
Тарасова Алексея Герольдовича

Работа завершена:

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (Тарасов А. Г.)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

“ ___ ” _____ 2021 г. _____ (Горюнов А.А., иерей)

Заведующий кафедрой

“ ___ ” _____ 2020 г. _____ (к.ф.н., Абрамов А.В.)

Проректор по научно-богословской работе

“ ___ ” _____ 2021г. _____ (к.ю.н., Абрамов А.Е.)

Владимир 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЕРЕИ АНАТОЛИИ ИВАНОВСКИЙ КАК ХАРАКТЕРНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА НАЧАЛО XX ВЕКА.....	8
1.1. Социальный состав и правовое положение духовенства в Российской империи.....	8
1.2. Трансформация духовного сословия во второй половине XIX в.....	17
ГЛАВА II ДУХОВНОЕ СОСЛОВИЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ. ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ СМУТЫ В БИОГРАФИИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЕРЕЯ АНАТОЛИЯ ИВАНОВСКОГО.....	28
2.1. Протестные выступления молодежи духовного сословия в конце XIX – начало XX вв.....	28
2.2. Политические настроения в среде духовенства конце XIX – начало XX вв.....	40
ГЛАВА III ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1917 Г. И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЕРЕЯ АНАТОЛИЯ ИВАНОВСКОГО.....	48
3.1. Положение духовенства в период между Февральской и Октябрьской революциями.....	48
3.2. Православное духовенство в условиях начала Гражданской войны.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	63
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	69

ВВЕДЕНИЕ

Изучение судеб Новомучеников и Исповедников Церкви Русской, начавшаяся еще в конце 80-х гг. XX века, продолжается до настоящего времени. Жизнеописания святых, составление которых является неотъемлемой частью канонизации, представляют собой несомненную ценность как историко-богословские произведения агиографического характера. При этом они имеют недостаток, в целом, присущий всей агиографической литературе – обособленность объекта повествования от общеисторического контекста. Как результат, мы имеем множество биографических исследований, которые не дают обобщенного представления о поколении духовенства, пережившего революционные потрясения, Гражданскую войну и первую волну гонений.

Однако приходские священники не были изолированы от происходивших в стране процессов. Вместе со всем социумом духовное сословие переживало глубокие изменения как в плане общественного бытия, так и в своих мировоззренческих установках. Исторические процессы влияли на приходской клир в той же степени, в какой влияли и на остальные социальные группы.

Это ставит перед исследователями интереснейшую проблему – рассмотреть роль и место духовного сословия в контексте общероссийской истории отталкиваясь от судеб конкретных людей. Однако подобная задача по своему характеру глобальна и требует привлечения обширной базы источников. Нам представляется целесообразным рассмотреть происходившие общественно-политические изменения на более узком примере. В качестве такового мы избрали священномученика иерея Анатолия Ивановского, чья богатая биография отражает весь спектр происходивших в стране изменений – от ухода из духовного сословия и участия в студенческих беспорядках до противодействия революционерам в бытность приходским священником и кончины за веру в годы Красного террора.

Цель исследования: изучить специфику социальной среды приходского духовенства Российской империи и ее трансформацию в контексте общественно-политических изменений предреволюционного периода и начала Гражданской войны на примере священномученика иерея Анатолия Ивановского.

Задачи исследования:

1. Исследовать особенности социальной среды приходского духовенства второй половины XIX в.
2. Изучить степень влияния российского революционного движения на духовное сословие.
3. Рассмотреть изменения в положения духовенства в контексте политических событий 1917 г. и начала Гражданской войны.

Объектом исследования выступает приходское духовенство Российской империи. Предмет исследования – особенности социальной среды приходского духовенства Российской империи и динамика их изменения в условиях общественно-политических преобразований. Хронологические рамки работы охватывают период со второй половины XIX века до начала Красного террора в 1918 г.

Разрабатывая заявленную тему, мы обращались к церковным документам, хранящимся в архивах г. Казани, г. Кирова и г. Йошкар-Олы. В ходе работы в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ), нами был изучен фонд Казанской духовной семинарии (Ф.116.), в котором обнаружен ряд документов относительно студенческих беспорядков, произошедших в духовной школе в 1899 г. Кроме того, в фонде Казанского императорского университета (Ф.977.) нами было обнаружено личное дело священномученика иерея Анатолия Ивановского, учившегося в данном вузе в 1887-1890 гг. Материалы этого дела позволили получить много информации о личности священномученика и его студенческой молодости, а также проиллюстрировали чаяния молодых выходцев из духовного сословия конце XIX в.

Огромную ценность представляют документы Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), где, в фонде Р.6799. «Уголовно-следственные материалы на лиц, подвергшихся политическим репрессиям» хранится следственное дело, заведенное на Ивановского чрезвычайником Уржумского уезда в 1918 г. Документы ЧК, подробно описывают обстоятельства мученической кончины священномученика Анатолия, а, кроме того, фиксируют точку зрения приходского духовенства на общественно-политическую ситуацию в стране. Государственный архив Кировской области (ГАКО) предоставил для нашего исследования клировые ведомости Казанско-Богородицкой церкви с. Салтакь-Ял, где служил священномученик иерей Анатолий Ивановский.

Наконец, определенные сведения были найдены в Государственном архиве Республики Марий Эл (ГА РМЭ), в частности, приказ о репрессиях против духовенства, разосланный ЧК Восточного фронта уездным чрезвычайникам в сентябре 1918 г.

Другой группой источников стала дореволюционная периодика. Прежде всего – епархиальные журналы, в которых публиковались синодальные документы, архиерейские указы и исходящие из духовной консистории распоряжения. Кроме того, ценность для нашего исследования представляла и губернская пресса, в частности, газета «Вятская жизнь», на страницах которой нашел отражение конфликт священномученика иерея Анатолия Ивановского с революционно настроенными учителями местной школы.

Наконец, третьей группой источников послужили законодательные и иные нормативные акты. Сюда вошли как первые декреты СНК, определявшие характер церковно-государственных отношений, так и указы Священного Синода. Кроме того, нами был проанализирован Университетский устав 1863 г., позволяющий студентам духовных семинарий поступать в светские учебные заведения.

История духовенства XIX – начало XX вв. привлекала к себе внимание многих исследователей, поэтому недостатка в историографической базе мы не испытывали. Среди работ, посвященных различным аспектам священнической жизни, мы можем выделить несколько наиболее значимых работ.

Прежде всего, следует упомянуть двухтомную монографию д.и.н. Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.)». Это фундаментальное исследование, в котором автор подробно изучает каждое сословие Российской империи, привлекая большие массивы статистических данных. В нашем исследовании мы неоднократно использовали приведенные Борисом Николаевичем сведения. Хотя отдельные умозаключения Миронова можно признать дискуссионными, в целом его работа отличается глубиной анализа и стройной логикой сделанных выводов.

Пристального внимания заслуживает монография к.и.н. А.А. Хохлова «Семинарское бунтарство: вехи истории Казанской духовной семинарии». Привлекая обширный комплекс источников, Александр Анатольевич рассматривает причины, побуждавшие семинаристов к открытому неповиновению церковному начальству. Грамотная формулировка проблемных вопросов и непредвзятость автора в сложных внутри церковных конфликтах позволяют экстраполировать ситуацию вокруг Казанской семинарии на прочие духовные школы Российской империи. Это делает монографию Хохлова ценной в плане понимания существовавших проблем всего духовного сословия.

Нельзя обойти стороной работу Ю.В. Ерошкина «Новомученики земли Марийской». Юрий Витальевич занимается изучением истории Православия в Марийском крае, акцентируя внимание на периоде гонений на веру 20-30 гг. Указанная монография стала своеобразным подведением итогов его многолетней работы по сбору архивных сведений и свидетельств очевидцев о

жизни и подвиге за Христа пострадавших на территории современной Марий Эл.

Нами были использованы труды по истории Русской Церкви, считающиеся в наши дни классическими: П.В. Знаменского, А.В. Карташова, И.К. Смолича. Не смотря на солидный возраст их работ, они не теряют своей актуальности и в значительной степени соответствуют представлениям современной науки о церковной жизни Синодальной эпохи.

Исследования советского периода затрагивались нами не очень широко, ввиду известной степени их тенденциозности. Тем не менее, мы не можем отрицать заслуг советских историков в деле изучения церковной истории. Для нашего исследования заметную пользу принесла монография П.Н. Зырянова «Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг.» и «Церковь в период трех русских революций». В них автор разработал и обосновал концепцию идеологической неоднородности духовного сословия, выделив из него неформальные объединения по политическим взглядам – либерально-реформистским, правоконсервативным и левым.

Нами широко использовались и труды современных авторов. Прежде всего, следует отметить ряд исторических исследований протоиерея Владислава Цыпина, которые также можно считать классическими. Среди работ другого известного современного исследователя С.Л. Фирсова мы использовали монографии «Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 г.)» и «Церковь в империи: Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II». Обоснованные выводы автора и его меткие умозаключения оказали нам немалую помощь в работе над 2 и 3 главами.

Наконец, мы уделили большое внимание работам, публикующимся в научных журналах, отдавая предпочтение рецензируемым ВАК изданиям. В данных изданиях часто публикуются начинающие исследователи. Нередко в их статьях можно встретить ранее не обнародованные источники, ценные статистические сведения, оригинальные концепции и наблюдения. Авторы часто оперируют с местным материалом, что позволяет сравнивать наличие

той или иной практики в разных частях Российской империи. Это помогает выявлять закономерности в историческом процессе и находить общие тенденции, характерные для всей полноты Русской Православной Церкви.

ГЛАВА I СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЕРЕИ АНАТОЛИЙ ИВАНОВСКИЙ КАК ХАРАКТЕРНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА НАЧАЛО XX ВЕКА

1.1 Социальный состав и правовое положение духовенства в Российской империи.

Во второй половине XIX века православное духовенство Российской империи являлось одним из наиболее замкнутых сословий существовавшего социума. Вплоть до конца 60-х годов XIX века оно объединяло не только самих священнослужителей с их женами и несовершеннолетними детьми, но также причетников, монашествующих, студентов духовных семинарий и всех потомков членов клира, включая тех, кто не состоял на действительной церковной службе [115].

При этом вступление в ряды клира для других членов общества де-факто было невозможно уже с конца XVIII в. Исследователь российского социума Б.Н. Миронов приводит в своей монографии следующую статистику: если в 1730 гг. на долю выходцев из других сословий приходилось примерно 4% клириков, то в 1760 гг. их количество упало до 2%, а к 1790 гг. доля бывших мирян сократилась до 0.8%. [43,с.100].

Не являлся исключением и Марийский край, ставший местом служения священномученика иерея Анатолия Ивановского. Изучая социальный состав клира Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии, а также Яранского и Уржумского уездов Вятской губернии, С.М. Васина обнаружила, что за всю первую половину XIX в. на территории нынешней республики Марий Эл было лишь два священника из числа марийских крестьян. Один из этих иереев служил при Покровской церкви с. Марисола, а второй состоял в штате Спасской церкви с. Сернур [32, с. 120-121.]. Клировые ведомости первой половины XIX в. сообщают о трех диаконах,

также принадлежащих народу мари [32, с. 120-121.]. Характерно, что двое из них служили в том же сернурском приходе. Кроме того, Васина отмечает наличие нескольких выпускников новокрещенских школ, занимавших должности псаломщиков и пономарей. Количество их не конкретизируется автором, но сам факт обучения в новокрещенских школах говорит о том, что это были дети марийских крестьян [32, с. 120-121.]. Таким образом даже в инородческих приходах первой половины XIX в., подавляющее большинство клириков и причетников происходили из принадлежавших к духовному сословию русских семей.

Добровольный выход из синодального ведомства был затруднен не в меньшей степени, чем поступление в ряды клира представителей других сословий. К тому же, для покинувших свое сословие клириков он сопровождался поражением в правах и переходом в более низкие социальные страты. Такой жизненный поворот воспринимался членами духовного сословия как крайне нежелательный. В своем исследовании истории Русской православной церкви А.В. Карташев приводит четверостишие, бытовавшее в семинарском фольклоре начале XIX в.:

О, злая судьбина!
По свету царя,
Дьячеца ты сына
Свела в писаря! [75]

Очевидно, что ученики духовных школ рассматривали лишение сословных привилегий как несчастье. Перспектива оказаться в рядах податных сословий или попасть в солдаты выглядела удручающей, даже по сравнению с такой невысокой должностью в приходском штате как псаломщик. Но даже отважившиеся на подобный шаг были вынуждены проходить сложную юридическую процедуру, поскольку разрешение на снятие сана мог дать только Священный Синод. Вышедший из духовного сословия священник лишался всех наград и не мог на протяжении 7 лет поступать на гражданскую службу [74]. В правах оказывались пораженными

и дети такого клирика, если к тому моменту еще не определились с родом занятий. Как следствие, факты добровольного снятия с себя сана в XVIII-XIX вв. были большой редкостью. Исследуя фонды Царевококшайского и Козьмодемьянского духовных правлений, С.М. Васина обнаружила единственный случай сложения священного сана за весь период начала XIX – XX вв. – в 1811 г. священник с. Арино Иван Ефимов был уволен из духовного ведомства по собственному желанию [32, с. 123].

Сословная замкнутость русского духовенства представляла собой уникальное явление не характерное для других православных поместных церквей. Это феномен привлекал внимание ученых, за последние полтора века достаточно глубоко разработавших указанную проблему.

Причины превращения русского клира в закрытую социальную корпорацию можно разделить на две категории: результаты целенаправленной государственной политики и специфика самой церковной средой. Не желая терять налогоплательщиков и обремененных повинностями подданных, государственная власть воздвигла законодательный барьер для выходцев из низов общества. Как справедливо замечает П.В. Знаменский: «В интересах государственной службы и тягла доступ в него из других, служилых и тяглых, сословий был почти вовсе закрыт» [73]. Дворянство не имело таких препятствий, какими было ограничено тягловое население. Однако здесь срабатывали сословные перегородки. Дворяне расценивали священников как людей, стоящих намного ниже себя по социальной лестнице, а потому не стремились к рукоположению. Единичные случаи принятия дворянами священного сана следует рассматривать как исключение. Примером тому служит судьба святителя Игнатия (Брянчанинова), принятие монашества которым стало скандальным событием, потребовавшим личного вмешательства императора [111]. Дворянское происхождение могли иметь некоторые архиереи, архимандриты или игумены крупных монастырей, однако даже не могло идти речи о том, чтобы благородный человек стал приходским священником [41, с. 135].

Серьезным препятствием для поступления в клир являлся образовательный ценз, препятствовавший рукоположению лиц без духовного образования. Исключения составляли лишь находящиеся на большом удалении от центра страны территории, такие как Камчатская епархия, где даже во второй половине XIX века количество не обучавшихся в духовных семинариях пастырей составляло не менее половины от общего числа священников [103].

Было бы ошибкой считать государственную политику единственной причиной, приведшей к замыканию духовного сословия. Не в меньшей степени на ситуацию повлияли тенденции, существовавшие внутри самого клира.

Прежде всего, сказывался рост влияния епархиальных архиереев на жизнь приходов. Это нашло выражение в борьбе епископата с практикой приходских выборов священника. Традиция, уходящая своими корнями в глубокую древность, в реалиях Российской империи XVIII в. стремительно утрачивала свою актуальность. Сама логика построения абсолютистского централизованного государства подразумевала искоренение местных демократических обычаев. Поэтому на протяжении всего XVIII в. приходские выборы постепенно уходили из практики, покуда не исчезли полностью. История сохранила ответ митрополита Платона (Левшина) крестьянам, досаждавшим ему прошениями о рукоположении выборных лиц: «Ваше дело – орать и пахать, а мое – вам попов давать» [75].

Другой стороной проблемы являлось то, что белое духовенство совершенно не желало появления в своих рядах выходцев из других сословий. Место при той или иной церкви являлась источником средств к существованию для семей причетников. Именно поэтому клирики и церковнослужители стремились любыми способами закрепиться на приходе, а также устроить туда своих детей. На практике это приводило к появлению целых родов и даже священнических кланов, когда должности штатных священников, диаконов, псаломщиков и пономарей передавались либо от

отца к сыну, либо от родителей невесты к жениху [75]. Существовала даже практика открытой продажи церковных «мест», которые организовывали приходские общины [43, с. 406].

Удивительно, но даже в первой половине XIX в. правящие архиереи не только не боролись с практикой «закрепления» штатных мест на приходе за конкретными семьями, но с пониманием относились к данному явлению. К примеру, в 1803 году приход Богоявленской церкви г. Козьмодемьянска направил в Казанскую духовную консисторию прошение о сохранении за женой и детьми скоропостижно скончавшегося диакона штатного диаконского места. Из Казани был получен следующий ответ: «Для пропитания сиротства сие диаконское место предоставить за вдовой диаконицы сыном, если он будет отдан в академию» [3]. После того, как вдова дала свое письменное согласие, диаконский сын был отправлен на учебу, место «забронировано» за ним, а причитающееся жалование перечислялось студенту.

Многодетность в семьях клирошан приводила к тому, что численность духовного сословия с каждым поколением увеличивалось в геометрической прогрессии. Это порождало целый ряд проблем: избыточное количество причетников на приходах, обеднение духовенства, рост числа безместных священнослужителей [107]. В сложившейся ситуации поступление мирян в ряды клира прямо противоречило объективным интересам священнических семейств, стремившихся закрепиться на приходах. Тенденция замыкания духовного сословия, обусловленная внутренней конкуренцией, зародилась в недрах самого клира задолго до петровских преобразований. Государство лишь юридически оформило данный процесс, катализировало его и довело до логического завершения. Парадоксально, но официальный статус православных клириков как отдельного сословия был законодательно закреплён лишь в 1832 г. в 9-м томе Свода законов Российской империи [81]. Данное положение сохранялось вплоть до 2 февраля 1918 г., когда был опубликован Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от

церкви», кардинально изменивший положение духовенства и лишивший его особого статуса.

Стремительная модернизация Российской империи в эпоху правления Александра II не могла обойти стороной жизнь Православной Церкви. Процесс становления капиталистических отношений стирал рамки между сословиями, общество поэтапно трансформировалось в классовое. В этих условиях непроницаемая закрытость духовного сословия превращалось в глубокую архаику.

Объективно, это становилось проблемой, довлеющей над всем организмом Русской Церкви. Невозможность выйти из своего сословия вынуждало детей духовенства вступать в клир, в результате чего среди священнослужителей появлялось немало совершенно непригодных к данному служению людей. С другой стороны, миряне, способные стать хорошими пастырями, не могли реализовать себя ввиду сословных ограничений. В связи с этим в 60-х годах XIX в. была предпринята попытка изменить положение духовного сословия.

Первым шагом стал Университетский устав 1863 г. Данный Устав содержал §86, гласивший: «Воспитанники высших и средних учебных заведений разных ведомств, с успехом окончившие общий курс учения в них, если сей последний признан будет со стороны министерства народного просвещения соответствующим курсу гимназическому, равным образом имеют право поступать в студенты университета...» [108]. Поскольку духовные семинарии по своему статусу являлись средними учебными заведениями, двери вузов распахнулись перед выходцами из духовного сословия. Исследователи отмечают, что с принятием нового Устава выпускники семинарий стали составлять заметную часть студентов институтов и университетов [71].

Вторым шагом стало принятие Устава духовных семинарий 1867 г. Среди целой серии нововведений едва-ли не самыми важными были два: изменение учебной программы и право на поступление в семинарии

студентов их других сословий. В своем обновленном виде духовная семинария представляла собой специализированное среднее учебное заведение, в котором на младших курсах изучались общеобразовательные предметы, а дисциплины, связанные с богословием и пастырской практикой – на двух последних [110].

Не следует думать, что семинарии немедленно заполнились сыновьями крестьян, мещан и разночинцев. Такие случаи были если и не были единичны, то не носили массового характера. В это же время количество выпускников семинарий, предпочитавших получение светского образования церковному служению, было достаточно велико. Согласно данным исследователя истории высшей школы России А.Е. Иванова, в 1895 г. вчерашние семинаристы составляли всего 4,9% от числа студентов институтов и университетов, а к 1913 г. их доля увеличилась до 10,3 %. [40, с. 266]. Характерно, что в вузах, специализировавшихся на естественнонаучных дисциплинах, количество воспитанников духовных школ было гораздо ниже. Так, в Петербургском, Томском, Харьковском технологических институтах, в Рижском политехническом институте и Морском техническом училище количество бывших семинаристов выросло с 2% в 1895 г. до 2,4% в 1913 г. [40, с. 266]. Объяснить это можно тем, что по своему характеру семинарское образование носило гуманитарный характер.

Небольшой процент выходцев из среды духовенства не должен вводить в заблуждение, поскольку речь идет о соотношении студентов всех сословий. Переведя их в абсолютные цифры, мы обнаружим значительное количество людей, отказавшихся от служения в рядах клира. К примеру, в 1913/1914 учебном году в вузах империи обучалось 71379 студентов, [40, с. 23, 28, 32, 37, 40, 48, 51, 64-65, 81, 93] из которых, по данным Иванова, 10,3% являлись членами семей причта. Легко вычислить, что в 1913 г. в светских вузах училось 7352 выходцев из духовного сословия. Именно столько потенциальных клириков потеряла в этот год Русская Православная Церковь. В этом же 1913 г. в штатах духовного ведомства состояло 50,4 тыс.

священников, 14,9 тыс. диаконов и 111 тыс. псаломщиков, что суммарно составляет 176,3 тыс. человек [43, с. 108].

Таким образом, в 1913/1914 учебном году на 176,3 тыс. клириков приходилось 7,4 тыс. выходцев из духовного сословия, избравших для себя получение светской профессии. При этом молодые люди, сумевшие поступить в институты и университеты, обладали значительной образовательной подготовкой и интеллектуальными способностями, что вызывало своеобразную «утечку мозгов» из церковного клира. На основании этого мы можем убедиться, что проблема была не так безобидна, как может показаться современному наблюдателю.

Государственная власть достаточно быстро осознала возникшую опасность, поэтому с конца 70-х гг. XIX в. количество абитуриентов из духовного сословия начали искусственно ограничивать, максимально усложнив поступление в вузы для этой категории лиц. Серьезной преградой служило и то, что учеба в светских вузах являлась платной и была не по карману многим выходцам из духовного сословия. К тому же, далеко не все выпускники семинарий являлись успешными учениками, способными получить высшее образование.

Не смотря на все перечисленные препоны, был важен сам факт начала размытия сословных границ. Социум постепенно изменялся, трансформируясь в капиталистическое общество, имеющее огромные преимущества перед сословным благодаря социальной мобильности.

Наконец, 16 апреля 1869 года на государственном уровне был пересмотрен состав лиц, входящих в духовное сословие. Из их рядов были исключены звонари, певчие и церковные сторожа, хотя и с сохранением свободы от рекрутской повинности и податей [67]. Теперь к духовному сословию принадлежали только священнослужители, церковнослужители в лице пономарей и псаломщиков, семьи клириков и причетников, а также монашествующие.

26 мая 1869 г. был сделан решающий шаг, де-юре ликвидирующий рамки духовного сословия. Указом Государственного совета все дети клириков и причетников были отчислены из духовного звания. Государство предоставляло им возможность самостоятельно выбирать себе род занятий: поступать на военную и гражданскую службу, заниматься наукой, коммерческой деятельностью и т.п. За ними сохранялись привилегированное положение при поступлении в духовные семинарии и академии, право на получение содержания из средств духовных попечительств, преимущество при зачислении на приходские должности.

Однако самым желанным для выходцев из духовного сословия стало официальное признание за ними высокого социального статуса. Теперь дети священнослужителей становились потомственным почетным гражданам, а дети причетников – личными почетными гражданами [86]. Такое положение вещей сохранялось вплоть до Октябрьской революции, покуда все действовавшие в стране сословные привилегии не были отменены на основании «Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов», изданном ЦИК 11 ноября 1917 г. [67].

1.2 Трансформация духовного сословия во второй половине XIX в.

Как же само духовенство восприняло происходившие изменения? Реакция оказалась неоднозначной, причем мнения разных поколений представителей духовного сословия поляризовались.

По свидетельствам современников, старшее поколение восприняло нововведения с тревогой. Жизнь священнослужителей на протяжении последних полутора столетий протекала по строго определенному руслу. Возможностей выбраться из проторенной предшественниками колеи не было, однако отсутствие выбора снимало ответственность за принятие решений и сопутствующие им риски.

Воспоминания выпускника Полтавской семинарии П.К. Борзаковского прекрасно иллюстрируют, какое смятение в семье духовенства принесло расширение горизонта возможностей: «Сын священника З. бросил семинарию, пошел в университет, и теперь «знаменитый» адвокат, о котором говорит весь город... Сын диакона Р. сделал то же самое, и теперь «замечательный» доктор, чуть ли не первый в городе... Сын городского протоиерея К. поступил точно так же, и теперь – «превосходнейший» учитель гимназии... А если не поступит? Что тогда? От своих отстал, к чужим не пристал? Назад уже трудно... Ибо после смерти какое уж покаяние? <...> Отец сурово молчит, мать плачет, сын не знает, чем и как успокоить, ибо никакие обещания не помогают, и в самых заманчивых картинах будущего родители видят одни «думки, которыми богатеет дурень». И так все лето, по крайней мере, для многих. Стоит оторваться от книги и очутиться в кругу семьи, - начинаются охи да вздохи, слезы, опасения, упреки» [30, с. 23-24, 26].

Неприятие новых порядков нельзя объяснить только родительским страхом за судьбу детей перед лицом неопределенности. Значительную роль здесь играла специфика сословного сознания и характерный для церковной среды консерватизм. Священноначалие понимало, что массовый отток семинаристов является, не в последнюю очередь, завуалированным бунтом против существующего уклада церковной жизни. Это воспринималось как крушение моральных устоев общества, вызывая неприятие и гнев. В своей работе, посвященной церковным реформам Александра II, А.Д. Попова описывает случай, когда правящий архиерей отказался принимать благочинного протоиерея, узнав, что сын этого священника ушел в светский вуз. «Пускай отправляется к светскому начальству, ежели не умеет воспитывать детей в преданности своему прямому долгу...» [94] - так мотивировал свое решение Преосвященный.

Однако молодежь с восторгом восприняла открывшиеся перед ней возможности. Борзаковский красочно описывает охвативший его

однокурсников энтузиазм и их решимость порвать с кругом жизни своего сословия. Показательна реакция руководства семинарии, представленного людьми старшего поколения. Если к желанию первых пяти студентов покинуть семинарию начальство отнеслось с пониманием, то «следующий пяток беглецов, однако, уже несколько озадачил отца протоиерея» [30, с. 32], а последующие студенты с прошениями об отчислении вызывали его искреннее возмущение и непонимание. Всего в тот год Полтавскую семинарию покинуло 20 из имевшихся 26 воспитанников [94]. Аналогичная картина наблюдалась и в других семинариях, когда после изменения устава студентам предоставляли право покинуть учебное заведение.

Проблема отказа молодежи от священнического служения обсуждалась в церковной публицистике. Современники справедливо полагали, что корень проблемы лежит в специфике социального статуса духовенства, и что только возведенные государством рамки сословия сдерживали назревавшую проблему. Однако авторы не видели сути явления, перекладывая вину на вещи, как минимум, вторичные: шаткое финансовое положение клириков, обязательное ношение рясы и т.п. Как следствие, проблема утечки подготовленных кадров оставалась не решенной вплоть до разгрома системы церковного образования большевиками.

Анализируя данное явление, Б.Н. Миронов приводит к выводу, что глубинные причины происходящего были заложены в специфическом положении православного духовенства в структуре российского социума. Автор обращает внимание на обособленность православного клира второй половине XIX в. и его отчужденность от остальных частей общества: «Наверно духовенство не устраивало ни традиционалистов, ни западников потому, что оно придерживалось своеобразных культурных стандартов, которые сложились под влиянием в значительной степени европеизированного семинарского образования и православной системы ценностей. Образование, получаемое в семинариях, находилось в разладе как с понятиями образованных людей, так и с понятиями простого народа. <...>

Не благородное, но и не подлое, не европейски ориентированное, но и не замкнутое на допетровские идеалы, не богатое, но и не бедное. Противоречивость, пограничность, промежуточность положения духовенства в социальном, культурном и экономическом отношениях превратили его в культурный и социальный симбиоз» [43, с. 105].

Завершая свой анализ положения духовенства в социальной иерархии Российской империи, Миронов делает вывод, что оно представляло собой типичное маргинальное сословие [43, с. 105].

Данный вывод представляется нам избыточно категоричным, но мы вынуждены признать, что духовное сословие занимало весьма неопределенное положение между дворянством и податным населением. Несомненно, клирики возвышались над народными массами, а потому дорожили своим положением и претендовали на восхождение в социальной иерархии. Ярким маркером этого служит факт появления у духовенства фамилий уже во второй половине XVIII в., как минимум на полвека раньше, чем у «подлых» сословий. Фамилия в указанный период являлась атрибутом благородного человека, поэтому мотивация студентов семинарий, придумывавших себе красивые фамилии, читается довольно легко. Тем не менее, между дворянством и духовенством лежала непреодолимая пропасть.

Духовное сословие оказалось отчуждено и от широких народных масс, и от узкой прослойки дворянской элиты, и от зародившейся категории разночинцев. По свидетельству современников, священнослужители выделялись из общества своим поведением, манерой речи и внешним видом, даже если были одеты в гражданскую одежду [54]. Это легко объясняется словами другого современника: «Особый взгляд на мир, на жизнь, на светское общество, приучает к особому роду мышления, к особому слогу, к особым внешним приемам» [44, с. 388]. Таким образом, замкнутость духовного сословия обусловила возникновение специфической церковной субкультуры, как совокупности обычаев, традиций и моделей поведения, отличающих клир от прочих социальных групп [99].

Тот факт, что юноши предпочитали светскую работу стабильному, и, зачастую, более доходному церковному служению, говорит не в пользу существовавших церковных порядков. Как следствие, клир быстро терял остатки своих сословных признаков, а его представители заполняли различные социальные группы. Причем, речь идет не только о молодежи. В своем исследовании Б.Н. Миронов приводит данные по занятости выходцев из духовного сословия в Москве в 1882 г. Из проживавших в городе 6319 лиц духовного звания, в штате храмов состояло приблизительно 40%. Остальные занимались различной гражданской работой, демонстрируя удивительную пестроту профессий – от учителей и врачей до литераторов и артистов [43, с. 108], 450 человек (7%) работало прислугой. 356 человек (немногим менее 6%) лечились в больницах и содержались богадельнях. 134 человека (2%) были определены властями как деклассированные элементы.

При этом расчет инициаторов Александровских реформ на то, что в клир придут талантливые и мотивированные выходцы из мирян, не вполне оправдались. Такие люди действительно появились в рядах причта и духовенства, но их количество оставалось ничтожно малым. Так, за период 1880-1914 гг. доля представителей иных социальных групп среди священнослужителей увеличилась с 0 до 1,5%. Парадоксально, но за аналогичный период количество студентов духовных семинарий, вышедших из семей мирян, резко увеличилось с 8 до 16,4% соответственно. Объяснение этому может быть только одно – молодые люди шли в духовные семинарии чтобы получить среднее образование, однако вовсе не планировали связывать свою жизнь с церковной иерархией. К большому сожалению, в рассматриваемый нами период служение у Престола Божия расценивалось обществом как тяжелое и малопrestiжное занятие, не приносящее серьезных доходов. В силу этого, выпускники семинарий стремились реализовать себя на светской работе.

Подобные выводы легко подтверждаются статистикой. Так, в 1914 г. 57 духовных семинарий выпустили 2187 выпускников, из которых лишь 47%

было зачислено в приходские штаты. 39% поступили в светские учебные заведения, остальные начали работу по различным гражданским профессиям [43, с. 107].

Своеобразным препятствием для прихода в клир лиц из мирян стал епископат. Многие из архиереев, будучи уже не молодыми людьми, продолжали оставаться идейными сторонниками старых порядков, при которых семья умершего священнослужителя могла претендовать на приходскую должность. Такие архипастыри отдавали предпочтения выходцам из духовного сословия и весьма неохотно шли на встречу интересам нового поколения священнослужителей [72].

Тем не менее, новое поколение духовенства, не связанное со старыми священническими родами, неизбежно формировалось в недрах церкви. Примером тому может служить священник Воскресенского собора г. Царевококшайска, иерей Хрисанф Поляков.

Отец Хрисанф, родившийся в 1885 г., [17] являлся сыном бухгалтера Казанской городской управы Ивана Полякова. Хрисанф Иванович отказался от светской карьеры в пользу служения Богу, для чего поступил Казанскую духовную семинарию. После окончания этого учебного заведения в 1908 г., он был назначен псаломщиком к Борисоглебской церкви города Казани. В 1912 году состоялась священническая хиротония Полякова, после чего он стал настоятелем Петропавловского храма села Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии. В 1916 г. иерей Хрисанф был переведен в Царевококшайск, где и встретил свою кончину в сентябре 1918 г., став одной из первых жертв Красного террора на территории Марийского края [70].

Однако пример иерея Хрисанфа является, скорее, исключением из общего правила. Куда более характерна биография священномученика иерея Анатолия Ивановского, в которой нашли отражение глубокие изменения церковной жизни второй половине XIX – начало XX вв.

По своему социальному происхождению Анатолий Дмитриевич Ивановский являлся типичным представителем духовного сословия –

выходец из большой священнической династии, служившей на приходах юга Вятской епархии. Родился он 16 февраля 1863 г. в с. Пектубаево Яранского уезда (в настоящее время с. Пектубаево находится на территории Новоторъяльского района Республики Марий Эл) Вятской губернии в семье священника Дмитрия Ивановича Ивановского [2]. Родители будущего отца Анатолия скоропостижно скончались, когда ему было всего три года, после чего сироту забрал в свою семью его дядя, священник Евфимий Иванович Ивановский, служивший в приходе Иоанно-Богословской церкви с. Масканур Уржумского уезда Вятской губернии (в наши дни с. Масканур также входит в состав Новоторъяльского района РМЭ).

Иерей Евфимий заметил в своем племяннике певческий талант, который стремился развить, определив его в церковный хор еще ребенком [37, с. 41]. Во время визита архиепископа Вятского и Слободского Аполлоса (Беляева) в масканурский приход, Анатолий исполнил песнопение «Исполла эти деспота», чем обратил на себя внимание архиерея. Высокопреосвященнейший Аполлос был впечатлен талантом мальчика и настоял на его поступлении в Вятскую духовную семинарию. Во время учебы будущий отец Анатолий пел в архиерейском хоре, однако из-за ломки голоса в подростковый период ему пришлось завершить карьеру певчего.

В ходе исследования нам не удалось обнаружить документы Вятской духовной семинарии, которые могли бы рассказать об учебе Анатолия Дмитриевича. Однако в нашем распоряжении имеется выданное Ивановскому свидетельство о результатах сдачи экзаменов в Казанской третьей гимназии, полученное перед поступлением в университет летом 1887 г. «Испытание зрелости» (так в документе) показало следующие результаты: Закон Божий – 4, русский язык, церковнославянский язык и словесность – 4, логика – 3, латинский язык – 3, греческий язык – 3, математика – 3, физика – 3, история – 4, география – 4, французский язык – 5 [21].

Как видно из документа, в учебе Анатолий Дмитриевич являлся, фигурально выражаясь, «крепким среднячком», которому лучше давались

гуманитарные предметы. При этом Ивановский отличался хорошим поведением, за ним не числилось никаких дисциплинарных взысканий и правонарушений. Об этом свидетельствует Свидетельство о благонадежности №248, выданное ему Яранским уездным полицейским управлением: «Ивановский, поведения прекрасного, под судом и следствием не состоял и не состоит и ни в каких предосудительных поступках замечен не был» [22].

Таким образом, Анатолий Дмитриевич имел неплохие возможности продолжить учебу в духовной академии. Рукоположение в священник также открывало ему хорошие перспективы благодаря личному знакомству с правящим архиереем, который к моменту окончания Ивановским духовной семинарии еще находился на кафедре. Расположение со стороны архиепископа Аполлоса могло обеспечить ему, как минимум, назначение на хороший приход.

Однако Ивановский не пошел ни по одному из этих путей. Показательным является тот факт, что выпускник духовной семинарии не смог сдать экзамен по Закону Божию на оценку «отлично» [21]. С нашей точки зрения, это свидетельствует о том, что Ивановский уже в духовной школе не был мотивирован на изучении богословских дисциплин. И, возможно, еще будучи студентом семинарии он предавался размышлениям о возможностях светской карьеры.

Дальнейшая его биография подтверждает наше предположение. Анатолий Дмитриевич окончил Вятской духовной семинарии в июне 1883 г., однако лишь через год с лишним поступил на церковную службу. В сентябре 1884 г. он получил назначение псаломщиком к Троицкой церкви с. Салобеляк Яранского уезда Вятской губернии [1]. В Салобеляке Ивановский пробыл относительно недолго. Клировые ведомости свидетельствуют, что в период с апреля по июль 1887 г. он состоял в штате кладбищенской Вознесенской церкви г. Яранска, также исполняя послушание псаломщика. Однако уже в это время он уже готовился к поступлению в Казанский императорский университет.

Анатолий Дмитриевич избрал для себя карьеру врача, и 9 августа 1887 г. был зачислен на медицинский факультет университета [19]. Однако в силу причин, которые мы будем подробно рассматривать во второй главе, завершить свою учебу он не смог. 30 апреля 1890 г. Ивановский подал прошение об отчислении [18]. Оставшись без определенного занятия, Ивановский в течении нескольких лет путешествовал по городам Казанской губернии, проживая в Казани, Елабуге и Чистополе, зарабатывая на жизнь пением в церковных хорах. Наконец, он вернулся в родные края и поселился в с. Шулка Яранского уезда Вятской губернии. Судя по всему, он устроился певчим при Вознесенской церкви с. Шулка, настоятелем которой являлся его будущий тесть – священник Михаил Бобровский [9].

Наконец, осенью 1894 года Анатолий Дмитриевич обратился к епископу Вятскому и Слободскому Сергию с прошением о принятии его на церковную службу. 29 ноября 1894 г. Вятская духовная консистория направила в Казанский университет запрос об Ивановском [11]. Получив из Казани ответ с характеристикой, епископу Сергей назначил просителя псаломщиком к Предтеченской церкви с. Суводь Орловского уезда Вятской губернии [9]. Опуская отдельные моменты в биографии священномученика иерея Анатолия, подытожим, что, в 1901 г. он был рукоположен во священника к храму в честь Казанской иконы Божией Матери с. Салтак-Ял Уржумского уезда Вятской губернии [2]. Салтак-Яльский приход стал местом служения священномученика иерея Анатолия вплоть до самого его ареста 30 сентября 1918 г. [9].

Завершая данную главу, мы можем сделать ряд выводов. Синодальная эпоха стала временем превращения православного духовенства в обособленное, закрытое сословие. Доступ в него для представителей других сословий был законодательно ограничен, выход из духовного ведомства приводил к лишению привилегий и понижению социального статуса. Причиной тому, с одной стороны, была политика государства, не заинтересованного в уходе тяглого населения в неподатное сословие. С

другой стороны, играло роль стремление самого духовенства закрепить приходские места за своими семьями, оградив свою корпорацию от проникновения в нее посторонних лиц.

Глубокие изменения в жизни клира начались в эпоху Александровских реформ, когда государство де-юре ликвидировало сословные перегородки. Первым шагом являлось принятие Университетского устава 1863 г., согласно которому выпускники духовных семинарий могли приниматься на учебу в университеты. Вторым шагом стала реорганизация учебного процесса в семинариях, осуществленная в 1867 г. Помимо этого поступление в семинарии было открыто для выходцев из других общественных групп. Наконец, в 1869 г. был пересмотрен сам состав духовного сословия. Из него были исключены звонари, певчие, церковные сторожа, а самое главное – дети клириков и причетников. Теперь выходцы из духовного сословия могли проявить на себя на любом поприще, однако за ними сохранялось привилегированное положение при поступлении в духовные семинарии.

Преобразования 60-х годов XIX в. вызвали постепенную трансформацию духовного сословия в открытую социальную группу, членство в которой основано на добровольных началах. Непосредственной реакцией на реформы стала волна поступлений студентов семинарий в светские вузы.

Масштаб этого явления был таков, что государство, в последствии, было вынуждено принимать ограничительные меры, чтобы остановить начавшийся процесс. Нежелание детей духовенства связывать свою судьбу со священнослужением было обусловлено неоднозначным положением самого общественного института церкви. Клир занимал достаточно обособленное положение в обществе, священническое служение не считалось престижным или доходным. Хронологически, отток молодежи продолжался вплоть до самой революции, вымывая из числа потенциальных кандидатов на хиротонию самых инициативных и образованных юношей.

С другой стороны, происходило очищение клира от людей, не желающих становиться пастырями. В рамках сословной системы у детей духовенства не оставалось выбора, что приводило к появлению в рядах священнослужителей совершенно негодных к тому людей. Теперь каждый желающий мог подобрать себе занятие в соответствии с личными предпочтениями и наклонностями. Уход молодых людей после семинарий являлся серьезной проблемой, однако сохранение прежней принудительной системы было чревато для Церкви гораздо худшими последствиями. Александровские реформы стали болезненным, но объективно необходимым средством адаптации церковного организма под реалии наступившей капиталистической эпохи.

Место ушедших «духовных» постепенно занимали выходцы из мирян, принимавшие благодать священства из желания послужить Богу, а не в силу сословных предписаний. К сожалению, число таких людей до самой революции оставалось невелико, а учеба в духовных семинариях нередко расценивалась такими студентами только как средство получения среднего образования.

Пример священномученика иерея Анатолия Ивановского демонстрирует нам как выходец из духовного сословия, имеющий все возможности для несения пастырского служения, намеренно пренебрег им ради светской карьеры. Только крушение планов вынудило его, по истечении нескольких лет, вернуться в духовное ведомство.

В целом, не смотря на проведенные реформы, духовенство даже в предреволюционные годы оставалось замкнутой, самобытной корпорацией, со специфическим внутренним укладом, мало подверженным влияниям извне и не отвечающим большинству запросов своих молодых членов.

ГЛАВА II ДУХОВНОЕ СОСЛОВИЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ. ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ СМУТЫ В БИОГРАФИИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЕРЕЯ АНАТОЛИЯ ИВАНОВСКОГО

2.1 Протестные выступления молодежи духовного сословия в конце XIX – начало XX вв.

Роль духовного сословия в революционных событиях до настоящего времени остается слабоизученной и практически неосмысленной стороной истории Русской Церкви. В дореволюционный период проблема рассматривалась лишь в контексте беспорядков, происходивших в духовных семинариях, опираясь, в основном, на статистические сведения [35, с. 72]. Ценность данного подхода ограничена тем, что умонастроения учащихся духовных школах невозможно проецировать на все духовное сословие. Семинаристы являлись лишь его частью, самой молодой и, в силу специфики своего возраста, наиболее радикально настроенной.

В советский период историческая наука сделала значительные успехи в изучении данной проблемы. К великому сожалению, вопросы политической конъюнктуры становились препятствием к проведению непредвзятого исследования. Руководствуясь доктриной марксизма-ленинизма, авторы априори рассматривали институт церкви как оплот реакционных сил общества. Это лишало данные работы известной гибкости, мешая исследователям разносторонне осветить все аспекты проблемы.

Отказ от прежнего подхода произошел в постсоветский период, однако он не привел к прорыву в данном направлении. Вопрос, связанный с выступлениями семинаристов был изучен достаточно подробно. Однако мы не можем назвать исчерпывающих исследований, посвященных влиянию революционного движения на процессы, протекавшие внутри всей духовной корпорации.

Рассматривая проблему семинарских бунтов, исследователи не выделяют ее из общего контекста распространения революционных настроений среди российской молодежи. На наш взгляд, такой подход совершенно справедлив – у нас нет сколько-нибудь весомых оснований выделять сыновей духовенства из всей молодежной массы. Студенчество, являющееся наиболее активной и просвещенной частью российского общества, стало средой, наиболее активно генерирующей протестные настроения. Уже в 60-х годах XIX в. споры оппозиционно настроенных учащихся с профессурой, открыто проходившие в университетских аудиториях, являлись обыденным явлением [34, с. 65]. Вузы становились площадкой для работы кружков, через которые распространялись революционные идеи [80]. Наконец, студенчество принимало активнейшее участие непосредственно в революционных выступлениях, включая такие поворотные для судеб страны события как Февральская революция [87].

Духовные учебные заведения не оставались в стороне от происходивших процессов. Среди семинаристов распространялись либеральные и народнические идеи, а со второй половине 70-х гг. XIX в. – марксизм [102]. Подобно сверстникам из светских вузов дети духовенства увлекались запрещенной литературой. Строгая дисциплина и замкнутость духовных школ не только не предохраняли учащихся от оппозиционных веяний, но приводили к едва-ли не обратному эффекту. Отечественный мыслитель Н.А. Бердяев весьма в резких выражениях описывает печальное положение, в котором оказались церковные учебные заведения: «В семинарской молодежи... назревал бурный протест против упадочного православия XIX века, против безобразия духовного быта, против обскурантской атмосферы духовной школы» [55].

Рассматривая проблему причастности студентов семинарий к революционному движению, нам необходимо разобраться в природе беспорядков, охвативших духовные школы в конце XIX – начало XX вв. Это ставит перед нами ряд проблемных вопросов. Являлись ли данные

выступления стихийными вспышками негодования, или акции носили спланированный характер? Имели ли они политическую подоплеку, или катализаторами выступлений стали иные причины? Насколько радикальным был протест? Существовали ли связи учащих семинарий с революционно настроенными студентами светских вузов, или протесты в духовных школах носили обособленный характер? Наконец, насколько был велик протестный потенциал выходцев из семей клириков по сравнению с молодежью других социальных групп?

Прежде всего, мы хотим поставить под сомнение уместность применения термина «бунт» в отношении акций протеста семинаристов. Согласно определению толкового словаря Ожегова, под бунтом подразумевается стихийно возникшее восстание, мятеж [59]. Однако стихийность, являющаяся отличительной чертой бунта, в семинарских выступлениях как раз отсутствует. Беспорядкам в церковных учебных заведениях всегда предшествовали студенческие сходки, на которых обсуждались выдвигаемые руководству требования и осуществлялось планирование протестной акции. Непосредственно во время своих выступлений студенты действовали сплоченно и организованно.

Таким образом, ни о какой стихийности беспорядков в семинариях не может идти речи. Руководство духовных школ имело дело со спланированными акциями, подготовка к которым велась заранее. Более того, студенты учитывали опыт проведения протестов их предшественниками.

Анализируя беспорядки в духовных школах во время революции 1905-1907 гг., А.Ю. Амелин совершенно справедливо замечает, что семинарские выступления всегда имели определенную цель, отчетливо осознаваемую как протестующими студентами, так и администрацией духовных школ [52]. Возможно, студенты не всегда могли лаконично сформулировать выдвигаемые требования, но они отчетливо понимали, за что ведут борьбу и каких целей хотят достигнуть.

Свои претензии семинаристы, чаще всего, излагали в коллективных петициях. Больше всего данных документов было составлено в годы Революции 1905-1907 гг., а их пик пришелся на осень и зиму 1905 г., когда волна беспорядков прокатилась по 23 семинариям, в ходе чего была написана 21 петиция [92]. Всего же в период в 1880-1907 гг. исследователи насчитывают 76 случаев крупных студенческих волнений в духовных школах, расположенных в различных частях Российской империи [52].

Данные документы позволяют нам узнать, что же побуждало молодых представителей духовного сословия оказывать неповиновение церковным властям. Исследователи семинарских выступлений сходятся в едином выводе – содержащиеся в них требования касаются исключительно внутренних порядков духовных школ. И, хотя в отдельных документах проглядывается стилистическое подражание революционным прокламациям [100] никаких политических требований семинарские петиции не содержат.

Изложенные в петициях претензии учащихся можно разделить на три условные категории. Самыми массовыми являлись требования улучшений условий быта. Исследуя беспорядки в Казанской духовной семинарии в 1899 г., А.А. Хохлов перечисляет выдвинутые молодыми людьми жалобы. Прежде всего, казанских семинаристов не устраивало плохое питание и некачественные продукты: мерзлая капуста, гнилой картофель, червивые грибы, плохой квас и др. Также студентов возмущали плохие условия проживания в семинарии: антисанитария, неработающая вентиляция, холод в помещениях. Их не устраивало состояние семинарского лазарета, скудный рацион для больных и халатное отношение к своим обязанностям врача, у которого лекарством от всех болезней служил хинин [49, с. 95].

Справедливость выдвинутых претензий признал ректор Казанской семинарии архимандрит Кирилл, что следует из его донесения архиепископу Казанскому и Свияжскому Арсению (Брянцеву). Отец архимандрит докладывал об острой нехватке жилых помещений, проблемах с вентиляцией, сырости и отсутствии бани. Ректор сообщал о росте

заболеваемости среди студентов, в том числе со смертельным исходом: «В недавнее время был погребен окончивший курс в 1898 году Николай Чудовичев, а затем воспитанник V класса Петр Лисафьин. Оба умерли от чахотки. В домах родителей по случаю болезни чахотки проживают еще 6 человек – кандидатов на смерть» [15]. В той или иной степени, похожую картину можно было наблюдать и во многих других духовных школах.

Суровые меры надзора над учащимися, нередко принимавшие унижительные формы, также являлись причиной недовольства. О.Д. Попова приводит выдержку из петиции, составленной во время беспорядков в Рязанской семинарии в 1897 г. Одним из пунктов требований студентов было увольнение ректора и инспектора духовной школы. Свое желание молодые люди обосновывали так: «Каждый воспитанник жил под страхом увольнения из семинарии. Страх является единственным воспитательным средством. <...> Инспектор является автором многих мелочных правил, запрещений и постановлений» [95].

Возмущение было подстегнуто еще и тем, что отчисление с «волчьим билетом» не сулило ничего хорошего. Отчисленному студенту было невозможно устроиться на государственную службу. Авторы петиции были убеждены, что руководство учебного заведения целенаправленно отчисляет воспитанников за любой проступок, чтобы тем самым сократить количество учащихся в переполненной семинарии. Так это было или нет, установить уже невозможно. Однако мы видим пример, как переусердствовав с дисциплинарными мерами руководство семинарии добилось строго обратного результата.

Наконец, имели место случаи, когда учащиеся требовали реформирования самой системы духовного образования. О.Д. Попова акцентирует внимание на данной феномене [96]. Так, петиция студентов Воронежской семинарии содержала требование соединить духовное училище с семинарией, реорганизовав их в единую общеобразовательную школу с двумя дополнительными богословскими классами. Семинаристы предлагали

наделить выпускников такой школы правом на поступление во все высшие светские учебные заведения без различия разряда, а окончившим богословские классы – в духовную академию на тех же основаниях.

Студенты целого ряда семинарий требовали внедрения гимназических учебных программ по естественнонаучным дисциплинам. Нередко введение новых предметов предполагалось за счет сокращения часов богословских дисциплин. Например, студенты Харьковской духовной семинарии предлагали удалить из учебной программы вычисление Пасхалии, «как предмета, не приносящего в настоящее время никакой реальной пользы» [96]. Вместо этого они хотели изучать математику и физику в объеме гимназического курса.

Таким образом, вполне отчетливо прочитывается желание воспитанников семинарий приблизить духовную школу к светским образовательным стандартам. Это порождало известное противоречие – семинарии создавались как место подготовки будущих священнослужителей, в то время как немалая часть студентов рассматривало их лишь как обыкновенную школу, ступень для поступления в университет. При этом, как мы указывали в первой главе нашей работы, большую часть студентов составляли юные выходцы из духовного сословия. На наш взгляд, это весьма ярко характеризует изменения, происходившие в данной социальной группе в конце XIX – начало XX вв.

Однако, как мы уже подчеркивали, беспорядки в семинариях не имели политического подтекста. Студенческие выступления в данных учебных заведениях были продиктованы внутренними проблемами семинарий, либо проблемами духовного сословия в самом широком их прочтении.

В пользу невысокой революционности семинарской среды говорит и то, что среди учащихся духовных школ практически не образовывались политические кружки. Неформальные кружковые организации регулярно возникали в семинариях и академиях, однако целью их членов являлось самообразование – получение знаний в тех областях, которые не входили в

учебную программу эпохи Победоносцева. Обычно работа таких кружков сводилась к чтению книг с последующим их обсуждением. Н.Ю. Сухова, изучавшая молодежные движения в стенах духовных академий, сообщает даже о кружках церковно-практической направленности, интересовавшихся просветительской и социальной работой, а также миссионерством [106]. При этом объединения студентов духовных школ, интересующиеся политикой или занимающиеся революционной деятельностью, являются, скорее, исключением из общего правила.

Примером такого редкого случая может являться так называемый «кружок Степницкого», созданный осенью 1895 г. и ликвидированный Казанским губернским жандармским управлением в январе 1896 г. [46, с. 57]. Изначально, данное объединение молодежи представляло собой типичный кружок самообразования, регулярно собиравшийся на одной из городских квартир, где проходили чтения книг с последующим их обсуждением. В состав кружка входили как действующие, так и бывшие студенты Казанской духовной семинарии, в том числе проживающие в других городах.

Достаточно быстро в поле зрения кружковцев оказались труды Маркса. В итоге, ими была составлена программа для чтения с упором на изучение идей научного материализма [112]. Казанская жандармерия раскрыла деятельность данного кружка, сочтя его зачатком революционной организации. На наш взгляд, такое мнение имело свои основания, учитывая, что к январю 1896 г. кружок имел разработанный устав, кассу взаимопомощи, собственную библиотеку запрещенной литературы, и, благодаря наличию иногородних членов, приобрел черты сетевой структуры.

Несомненно, захлестывавшие молодежь в конце XIX – начало XX вв. радикалистские настроения влияли на выходцев из духовного сословия. Это неизбежно приводило к тому, что часть воспитанников семинарий погружалась в революционную деятельность. Примером может служить бывший студент той же Казанской семинарии Михаил Элпидин, возглавивший местное отделение «Земли и воли», участвовавший в

Казанском заговоре и ставший одним из видных деятелей народничества [79].

Однако широкие массы студенты семинарий оставались далеки от революционного движения. Мы говорим о том, что «кружок Степницкого» был уникальным явлением для Казанской духовной школы. Однако в это же время в Казани действовало множество подобных кружков, объединяющих студентов светских учебных заведений [58]. Лидером оппозиционных настроений являлся Казанский императорский университет [33], а духовная академия и семинария находились на периферии молодежного протестного движения. Их участие в межвузовских протестных акциях носило ситуативный характер. Разница между студентами светских и церковных учебных заведений в социальном происхождении, мировоззрении и интересах оставалась значительной, сыновей клириков более занимали проблемы собственного сословия, чем глобальные политические задачи.

Однако аполитичность семинаристов не давала никаких гарантий, когда недовольство выливалось в открытый протест. Ректор Казанской духовной семинарии архимандрит Кирилл оставил подробное описание упоминавшихся нами беспорядков 1899 г. Согласно его свидетельству, волнения семинаристов начались 13 марта во время обеда, когда студенты 1, 4 и 5 классов «выражали свое недовольство битьем посуды» [16]. Вечером часть учащихся демонстративно проигнорировала требование инспектора идти в столовую. Вовремя ужина студенты «продолжили шуметь в коридоре», разбив несколько стекол и ламп. 14 марта, проживавшие в Ивановском монастыре ученики, за ужином произвели «шмыганье ногами», тем самым демонстрируя неповиновение семинарскому начальству. На следующий день, 15 марта, охваченную беспорядками семинарию посетил архиепископ Арсений (Брянцев). Там ему и была вручена петиция, рассмотренная нами выше. При этом семинаристы, видимо впечатленные вниманием самого архиерея, принесли ему извинения за произведенный беспорядок.

Казалось, что конфликт был исчерпан. Однако 5 апреля он получил неожиданно бурное продолжение. В своем донесении на имя обер-прокурора, архиепископ Арсений сообщал, что беспорядки вспыхнули утром 5 апреля [13]. Сигналом к ним послужил выстрел из револьвера. Семинаристы «с крайним бешенством» начали бить стекла заранее приготовленными камнями, поленьями и топорами. Несколько студентов 5 и 6 классов спрятали инспектора от восставших товарищей, опасаясь, что над ним может быть совершена расправа. Бунт был подавлен силами полиции, блокировавшей восставших семинаристов в учебной аудитории.

В произошедших событиях бросается в глаза несообразность действий студентов, которые сначала просили прощения, а через три недели подняли ожесточенный бунт. Данное обстоятельство архиепископ Арсений объяснял влиянием со стороны революционно настроенных студентов светских вузов. Действительно, в марте 1899 г. по стране прокатилась Всероссийская студенческая забастовка, закончившаяся в Казани уличными столкновениями молодежи с полицией.

Влияние массовых студенческих протестов на внутренний настрой семинаристов отрицать невозможно. Однако А.А. Хохлов ставит под сомнение искренность слов архиепископа. Проведенный исследователем анализ документов убедительно доказывает, что причиной повторного бунта являлся отказ церковного руководства удовлетворить требования учащихся и применение против семинаристов репрессивных мер [49, с 107-108]. Неуклюжая политика «затягивания гаек» и наличие радикального ядра среди студентов и привели ко второму витку конфликта в его более обостренной форме.

Беспорядки в других семинариях, в общих чертах, повторяют события в казанской духовной школе. Так, 14 февраля 1905 г. студенты Минской семинарии разгромили квартиры ректора и инспектора, ломали мебель и выбивали стекла в учебном корпусе, уничтожили документы по воспитательной части [95]. Бунт был подавлен полицией и казаками.

Первоначально, ректор семинарии пытался объяснить произошедшее тем, что студенты были пьяны. Позже, когда у одного студента была обнаружена копия стенограммы сходки учащихся Владимирской семинарии, беспорядки начали объяснять тлетворным влиянием извне. Действительная причина же была проста и относилась к сугубо внутренним – после праздника Рождества ректор запретил студентам выходить в город. Характерно, что студенты жаловались на решение начальства посещавшему семинарию ревизору. Однако безрезультатность легальных мер подтолкнула молодых людей к бунту [38, с.84].

Даже появление революционных лозунгов во время семинарских беспорядков в 1905-1906 гг. не свидетельствовало о политизации данных протестов. По верному замечанию Б.И. Колоницкого, студенты подчеркивали свою принадлежность к революционной субкультуре [77]. Однако это был лишь симулякр, за которым не стояло реальных политических шагов, а требования восставших всегда сводились к замене неугодного инспектора или улучшению условий содержания.

Однако политическая повестка и упущения администрации духовных школ могли сыграть лишь роль катализаторов протестных настроений. Без анализа социальной среды, питавшей семинарии абитуриентами, полноценный анализ проблемы будет невозможен.

Либеральные реформы, осуществленные в эпоху правления Александра II, оказали серьезнейшее воздействие на юных представителей духовного сословия. Возможность самому избирать свой жизненный путь привела к изменению мировоззренческой парадигмы российского общества. В целом, данный феномен был присущ всему постреформенному социуму, однако молодое поколение детей клириков, на наш взгляд, претерпело наиболее глубокую трансформацию.

Появление новых возможностей, которых были лишены отцы и деды семинаристов, неизбежно повлекло за собой эрозию коллективной морали, сформированной в условиях сословной замкнутости. Для юношей, в силу

возраста стоящих на максималистских позициях, возможность разрыва с церковной средой была тождественна отрицанию ценностей данной среды.

Отсюда проистекают два негативных явления, первым из которых стал нравственный упадок. Митрополит Евлогий (Георгиевский), бывший в 1895-1897 гг. инспектором Владимирской духовной семинарии, в мрачных тонах описывает моральное состояние своих подопечных: «Под влиянием тяжелых воспоминаний детства озлобленные сердца, исковерканные характеры, страстный, слепой протест против окружающей жизни – вот с какими душами приходилось иметь дело. Случалось, в семинарию поступали неиспорченные, хорошие мальчики, но как быстро они подпадали под влияние старших товарищей, усваивали их вкусы и нравы, заражались революционными идеями...» [68]. Влияние оказывало и то, что большая часть семинаристов являлось детьми сельского духовенства, чьи поведенческие модели не сильно отличались от бытующих нравов их паствы.

Вторым негативным последствием стал упадок религиозной веры среди учащихся. Знаменитый отечественный мыслитель протоиерей Сергей Булгаков делился в своих воспоминаниях, как будучи семинаристом утратил веру: «В первом – втором классе семинарии наступил религиозный кризис, который, правда, хотя и с болью, но без трагедии закончился утратой религиозной веры на долгие, долгие годы» [31, с. 434].

Эрозия религиозности молодого поколения и нравственный упадок были вызваны причинами радикальных изменений в укладе жизни как духовного сословия, так и всего общества в целом. Проблема не являлась непреодолимой – адаптация социума к новым условиям неизбежно смягчила бы противоречия, а руководство могло бы найти для этого оптимальные механизмы. К сожалению, синодальная система оказалась на удивление инертной, а принимаемыми мерами лишь способствовала углублению кризиса.

Духовная школа так и не прошла реформирования в области воспитательного подхода, продолжая делать упор на неусыпный контроль и

строжайшую дисциплину. Данные меры были закреплены официально в консервативном Уставе духовных семинарий 1884 г., подкрепленном рядом дополнительных документов. Ярким примером здесь может служить Определение Святейшего Синода «О воспрещении воспитанникам духовно-учебных заведений отлучек из училищных общежитий в учебные дни», запрещавшее студентам покидать территорию семинарии без личного разрешения инспектора [90].

Непрерывный контроль со стороны системы духовного образования, осуществляемый даже во время каникул, неизбежно вызывал внутренний протест молодых людей. Зачастую это усугублялось непрофессионализмом администрации учебных заведений, что вполне признавалось на официальном уровне. Так, после череды беспорядков, прокатившихся по семинариям в 1893 г., сотрудник Обер-Прокуратуры Святейшего Синода А. В. Гаврилов писал архиепископу Тверскому и Кашинскому Савве (Тихомирову): «Причина беспорядков – бестактность инспекции и малоопытность ректоров... Наши помощники инспектора – именно полиция, а не воспитатели» [36, с. 15].

Разумеется, среди преподавательского корпуса и администрации духовных школ были те, кто видел выход из проблемы в смене воспитательного подхода. Одним из таких людей был митрополит Евлогий (Георгиевский), до своей епископской хиротонии 10 лет несший послушание в системе духовного образования [57]. Владыка Евлогий в таких словах вспоминал свой педагогический опыт: «Молодежь поддается, когда к ней подходишь с добрым чувством. Были трудности, но не столько ученики их создавали, сколько установившиеся формы семинарского режима. Очень скоро я убедился, что одной строгостью и страхом воспитывать юношество нельзя. В этом основном вопросе метода воспитания сразу обнаружилось несогласованность и расхождение с теми лицами, от которых зависело направление всей педагогической работы» [68]. К сожалению, подобные начинания шли в разрез с идеологией эпохи Победоносцева.

В результате принимаемые меры имели строго обратный эффект. Атмосфера постоянного давления и слежки производила в молодых людях психологический надлом. Молодежь начала избегать духовных школ, либо устраивалась на светскую работу после их завершения. По свидетельству И.К. Смолича, нередко священнослужители и представители церковной интеллигенции сами отдавать своих сыновей на учебу в гимназии, считая, что светская карьера для них окажется более благоприятной, чем судьба сельского пастыря [45, с. 470]. Существующая система сама толкала семинаристов в сторону бунтарской интеллигенции, хотя породившая ее социальная группа разночинцев имела мало общего с духовным сословием. Однако в новых условиях семинаристы перенимали мировоззрение интеллигентов с присущими ему революционностью и религиозным скептицизмом.

2.2 Политические настроения в среде духовенства в конце XIX – начало XX вв.

В советской историографии православное духовенство традиционно рассматривалось как идеологическая опора правящего класса, что является достаточно предвзятой оценкой. Тем не менее, уже тогда высказывались мнения, что церковный клир не был однородным по своим политическим убеждениям и внутри него существовали различные идейные течения. К примеру, П.Н. Зырянов выделял либеральное и ультраправое крылья внутри единой Русской Церкви, и даже отмечал наличие незначительного количества клириков, разделявших левые идеи [51].

Точка зрения Зырянова совершенно справедлива. Духовенство Православной Церкви никогда не представлял единый монолит, разделяясь на иерархические страты, на сельское и городское, белое и черное, и даже русское монашество делилось внутри себя на «монастырское» и «ученое». Каждая из этих страт имела свои собственные проблемы, взгляды и

интересы, продиктованные различным положением в иерархии и социуме. В силу этого идейно-политическая дифференциация членов клира является закономерным явлением.

Однако сама синодальная система была создана в качестве проводник государственной политики, как это верно заметил П.Н. Зырянов: «Православная Церковь являлась в известном смысле частью, хотя и сильно обособленной, государственной машины самодержавия» [39, с. 391.]. Духовенство не имело иного выбора, кроме исполнения воли Синода и следования консервативной политики верховной власти. При этом члены клира отличались по своим частным политическим убеждениям и даже вовлекались в различные внутри церковные группы [88].

Тем не менее, открыто высказывать свои возражения против проводимой политики священнослужители не могли. Это было обусловлено не только существовавшей цензурой, но и отсевом из духовного сословия наиболее радикальных элементов, происходившим еще в семинариях. Несогласные с действующими правилами студенты либо сами уходили на светскую работу, либо принудительно отчислялись. В таких условиях для политизации церковной среды было необходимо мощное социальное потрясение, которым стала Революция 1905-1907 гг.

Во время революционных событий из рядов клира выделилось крыло либерально настроенного духовенства, ориентированного на глубокие преобразования в государственном, общественном и церковном устройстве. В своих взглядах данная фракция стояла ближе всего к политической платформе партии кадетов.

Это была немногочисленная группа, представленная, в основном, духовенством Санкт-Петербурга и Москвы. Наибольшую известность получила группа из 32 священников, именовавшая себя «Братством ревнителей церковного обновления». В историю данная группа вошла благодаря своей приверженности церковным реформам, однако интересы столичных священников простирались и на область политики. Они

выступали за демонтаж синодальной системы и высказывали симпатии конституционному строю, что, по меткому замечанию С.Л. Фирсова, являлось завуалированным отрицанием богопомазанности монарха и сакрального характера его власти [47, с. 339-340].

Своеобразной трибуной либерального духовенства стали журналы «Церковный вестник» и «Богословский вестник». Публиковавшиеся в них авторы позволяли себе довольно откровенные высказывания. К примеру, профессор церковного права В.Н. Мышцын декларировал следующее: «...если мы внимательно всмотримся в сущность конституционного строя, то обнаружим удивительную близость его форм к понятиям христианским и формам древне-церковным».

Ультраправое движение среди православного духовенства представляло собой реакцию консервативной части клира на кризис самодержавной власти. Его политической платформой стал консерватизм и монархизм, а организационной формой – «Союз русского народа». Весьма показательно, что у истоков черносотенного движения стоял игумен Воскресенского миссионерского монастыря Арсений (Алексеев).

Ультраправые идеи получили куда более широкое распространение среди клира, чем либеральные [83]. Кроме того, черносотенцы имели немало сторонников среди наиболее влиятельных представителей духовенства. К ним принадлежал святой праведный отец Иоанн Кронштадтский, архиепископ Антоний (Храповицкий), святитель Тихон (Беллавин) Патриарх Московский и всея Руси, священномученик Владимир (Богоявленский) митрополит Киевский и Галицкий, священномученик Андроник (Никольский) архиепископ Пермский и Соликамский, священномученик Серафим (Чичагов) епископ русской Православной Церкви, священноисповедник Агафангел (Преображенский) митрополит Ярославский и Ростовский и ряд других иерархов, многие из которых пострадали за веру в годы советской власти [88]. Надо отметить, что архиереи, как и монашество в целом, с тревогой встретили отступление государственной власти перед

стремлением общества к либерализации и секуляризации. Это и объясняет поддержку ими политических сил, ратующих за правый реванш.

Сторонники леворадикальных идей в рядах клира составляли маргинальное меньшинство. Среди значимых персоналий к таковым можно отнести профессора Санкт-Петербургской духовной академии архимандрита Михаила (Семенова). Данный архимандрит придерживался оригинальной системы взглядов, сочетающей социализм и христианство [48]. Он присоединился к «Братству ревнителей церковного обновления», являлся членом партии трудовиков. Судьба архимандрита Михаила сложилась трагически – за свои высказывания он был запрещен в священнослужении, подвергся травле со стороны черносотенного духовенства, арестовывался, после обнаружения у него признаков нервного расстройства вел асоциальный образ жизни и скончался в результате побоев, нанесенных ему неизвестными.

В остальном «левизна» духовенства ограничивалась эпизодическими, порой нелепыми инцидентами. Примером тому может служить обнаруженное нами в Национальном архиве Республики Татарстан дело псаломщика Космы Королева обвиненного в оскорблении «священной особы Государя Императора».

Королев являлся запрещенным в священнослужении иереем, исполнявшим обязанности псаломщика в с. Старое Тимошкино Чистопольского уезда Казанской губернии [20]. 24 января 1906 г., находясь в доме крестьянина Федора Болтушкина, обвиняемый произнес следующие слова: «У нас в Казани архиереем был Палладий, теперь он митрополит, подлец, и Государь Император подлец» [14]. О произошедшем было донесено в полицию, после чего Королев подвергся аресту. За оскорбление монарха Казанский окружной суд приговорил клирика к 2 неделям ареста. Наказание по церковной линии оказалось куда более строгим – Королев был извергнут из священного сана [79]. Столь суровые меры были обусловлены тем, что виновник происшествия уже не первый раз оказывался под церковным судом из-за пьянства и хулиганских поступков. По всей

видимости, последняя его выходка, имеющая отчетливый политический подтекст, переполнила чашу терпения епархиального начальства.

Что касается основной массы духовенства, то их политические взгляды можно оценить, как консервативные и умеренно-правые [84]. Однако здесь нужно учитывать, что само государство в ту эпоху являлось самодержавным. Поэтому умеренно-правые взгляды были естественны для законопослушных подданных Российской империи. Однако оставаясь на лояльных позициях, священнослужители могли критически относиться к отдельным аспектам жизни страны, модели церковно-государственных отношений и т.п. В годы революции 1905-1907 гг. широкие массы духовенства стремились дистанцироваться от общественного противостояния, либо обращались к противоборствующим сторонам с призывами о примирении. В целом, духовное сословие оказалось чуждо революционным настроениям.

Весьма показательной в этом отношении является судьба священномученика иерея Анатолия Ивановского, прошедшего личностную трансформацию от бунтующего студента до священника, стремящегося оградить свою паству от революционных настроений.

Как мы уже указывали в 1 главе, после окончания семинарии А.Д. Ивановский избрал светскую карьеру, решив стать врачом. Для этого Анатолий Дмитриевич в 1887 г. поступил на медицинский факультет Казанского императорского университета. Однако 4 декабря 1887 г. [12], он принял участие в студенческой сходке, проводившейся в знак протеста против университетского устава 1884 г. и т.н. «циркуляра о кухаркиных детях». Любопытно, что в этой же сходке принял участие будущий лидер партии большевиков В.И. Ульянов (Ленин), тогда еще являвшийся студентом 1 курса юридического факультета.

У нас нет сведений в пользу того, что Ивановский состоял в какой-либо революционной студенческой организации. Тем не менее, инспектор университета однозначно свидетельствует, что Анатолий Дмитриевич «был прикосновенен к студенческим беспорядкам» [12]. Также, как и прочие

участники сходки, Ивановский подал прошение об отчислении, тем самым выразив администрации университета свой протест. Однако он вскоре поменял свое решение и подал второе прошение, в котором выражал сожаление о содеянном и просил не отчислять его из вуза. Просьба Ивановского была удовлетворена, однако он был лишен назначенной ему стипендии.

По всей видимости, отсутствие денег довело Ивановского до крайней степени нужды, повлекшей за собой серьезное заболевание. Его личное дело содержит свидетельство о состоянии здоровья с пометкой «лечился от общей черепно-мозговой нейростении» [23]. В беседе с епископом Вятским и Слободским Сергием (Серафимовым) будущий священномученик также указал что отчислился из университета «по неудовлетворительности душевного состояния и отчасти недостатку средств» [11].

Из-за болезни Ивановский перестал справляться с учебной программой, и 30 апреля 1890 г. по собственному желанию подал прошение об отчислении из университета [18]. Опуская те моменты в биографии священномученика иерея Анатолия, которые уже были описаны нами в первой главе, подытожим, что, в 1901 г. он был рукоположен во священника к храму в честь Казанской иконы Божией Матери с. Салтак-Ял Уржумского уезда Вятской губернии [2].

Приняв священный сан и обзаведясь большим семейством, иерей Анатолий начал исповедовать идеи прямо противоположные своим университетским убеждениям. В 1906 г. между ним и двумя революционно настроенными учителями Салтакъяльской школы произошел конфликт, выплеснувшийся на страницы губернской прессы. Учителя И.И. Денисова и Г.Н. Ночаев развернули агитационную деятельность среди крестьян, «разъясняя им значение свобод, объявленных манифестом 17 октября» [26, с. 3]. Кроме того, учителя организовали кружок, где собирались педагоги окрестных сел для чтения книг и для «обсуждения современного положения в России вообще и просветительской работы в деревне в частности».

Собрания кружка проводились по воскресеньям и двенадцатым праздникам, так что его члены не посещали на богослужения.

Очевидно, что бывший студент Казанского университета был достаточно осведомлен о деятельности подобных кружков, а потому не питал иллюзий относительно характера их «просветительской работы». Желая вразумить сельских революционеров, священномученик иерей Анатолий включил в молитвенное правило школьников составленную им самим молитву об учителях, за что был подвергнут остракизму либеральной прессой. Как видно из данного эпизода, священник Анатолий Ивановский в зрелом возрасте придерживался умеренно-консервативных политических убеждений, что резко контрастирует с его студенческим опытом.

Завершая данную главу, мы можем сделать ряд выводов. Прежде всего, духовное сословие в конце XIX – начало XX вв. представляло собой неоднородную социальную группу. Наиболее контрастно из данной группы выделялась молодежь – самая активная и подверженная протестным настроениям ее часть.

Либеральные реформы Александра II оказали глубокое влияние на юных представителей духовного сословия, изменив мировоззренческую парадигму всей молодежной среды. Разрушение сословных рамок повлекло за собой эрозию сословной морали, отрицание молодежью ценностей церковной среды, катализировало упадок нравов и кризис религиозной веры.

Попытка решить сложившийся комплекс проблем методом ужесточения дисциплины, предпринятая в эпоху Порбедоносцева, лишь углубила протестный потенциал. Недовольство детей православных клириков имело под собой объективные причины, заключавшиеся в специфике системы духовного образования. Духовные школы, традиционно служившие местом обучения детей клира, нередко плохо содержались, а надзор за учащимися принимали унижительные формы. Это приводило к открытым выступлениям, либо катализировало скрытые формы протеста,

такие как выход выпускников из духовного ведомства, увлечение революционными идеями, отход от веры.

При этом семинаристы находились на периферии студенческого протеста, оставаясь в значительной степени аполитичными. Причины беспорядков в духовных школах носили сугубо внутренний характер. Однако государственная система своей политикой провоцировала сближение семинаристов со слоем бунтарски настроенной интеллигенции.

В отличие от юных представителей духовного сословия, клир Русской Церкви стоял на лоялистских, консервативных, умеренно-правых позициях, и, в целом, дистанцировался от вопросов политики. Этому способствовал отсев радикально настроенных студентов семинарий, происходивший еще на этапе обучения.

Революция 1905-1907 гг. поляризовало духовенство Российской империи, среди которого выделилось реформистски настроенное либеральное крыло и влиятельное праворадикальное крыло, поддерживающее черносотенное движение. Среди духовенства встречались и носители левых политических взглядов, однако они составляли маргинальное меньшинство.

ГЛАВА III. ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1917 Г. И НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЕРЕЯ АНАТОЛИЯ ИВАНОВСКОГО

3.1 Положение духовенства в период между Февральской и Октябрьской революциями.

Падение монархии стало не только неожиданностью для Русской Церкви, но и создало своеобразный правовой казус. Согласно законам Российской империи, царь возглавлял церковь на правах суверена, как «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния» [105]. Однако теперь, когда властные полномочия перешли к Временному правительству, возникли два вопроса: об организации церковного управления и о поминовении властей во время богослужений.

Решить первую проблему было невозможно без общецерковного обсуждения, однако на второй вопрос было необходимо ответить незамедлительно, в административном порядке. Уже на второй день после отречения Николая II в Синод начали массово поступать телеграммы от епархиальных архиереев, просивших указать новую формулировку поминовения властей. На заседаниях Синода, проводившихся 7 и 8 марта, было выработано определение № 1226 «Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома», обнародованное во всех епархиальных журналах. Упоминание дома Романовых было удалено из богослужебных текстов, а в храмах начали молиться «о Богохранимем Державе Российской и Благоверном Временном Правительстве ея» [29, с. 133-134].

Данное решение являлось признанием законности Временного правительства, шагом к его легитимации и декларацией собственной

лояльности, что в условиях фактического двоевластия в стране обрело политический окрас. Вскоре высший орган церковного управления открыто призвал паству к верности Временному правительству, опубликовав «Воззвание Священного Синода к чадам Православной Церкви». Данный документ был составлен в недвусмысленных выражениях: «Свершилась воля Божия, Россия вступила на путь новой государственной жизни. <...> Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани... ради счастья Родины, оставьте в это великое историческое время всякия распри, несогласия, объединитесь в братской любви на благо Родины, доверьтесь Временному Правительству...» [25, с. 100].

Руководство епархий не отставало от Синода, публикуя заверения в лояльности новой власти. Примером может служить телеграмма, направленная из Новочеркасской епархии обер-прокурору Временного правительства В.Н. Львову: «Новочеркасское духовенство во главе со своими архипастырями... просит Вас засвидетельствовать о полном признании им нового Временного Правительства с первого момента его формирования и о совершенной готовности своим горячим пастырским словом разъяснять народу, что смена власти произошла для его блага» [56]. Телеграмма была подписана архиепископом Донским и Новочеркасским Митрофаном (Симашкевичем), епископом Асканайским Гермогеном (Максимовым) и клириками г. Новочеркаска.

Весьма показательной является резкая смена настроений приходского духовенства. Во второй главе мы отмечали, что основная масса клириков придерживалась консервативных, умеренно-правых взглядов, обусловленных существованием монархического строя. Однако после Февральской революции происходит стремительное «полевение» духовного сословия.

Прежде всего, это находит выражение на страницах епархиальной прессы, которая наполняется откровенно революционной риторикой. В качестве примера публикаций этого периода мы можем привести слова протоиерея Петра Сысуева, опубликованного весной 1917 года в журнале

«Оренбургский церковно-общественный вестник»: «Волею всего народа, по почину лучших своих избранников в Государственной Думе низвергнут старый строй государственной жизни. Люди церковные глубоко страдали от того унижения и порабощения, в котором у нас находилась Православная Церковь» [93].

Еще одним выражением политической переориентации духовенства становятся акции по ликвидации символов, связанных с династией Романовых. Этот процесс бурно охватил всю страну весной 1917 г., когда происходило переименование городских улиц, учебных заведений, кораблей, отказ от царских наград, удаление императорских вензелей с погон и т.п.

Среди священников этот процесс нашел выражение в массовой сдаче медалей «В память 300-летия царствования дома Романовых» и наперсных крестов, на задней стороне которых находился вензель императора. Подобные акции устраивались на епархиальных съездах, прошедших по стране той же весной. М.А. Бабкин, исследовавший проблему смены царской символики в 1917 г., приводит ряд примеров, как это происходило.

Так, на съезде духовенства Владимирской епархии было пожертвовано более 60 серебряных наперсных крестов [53]. На съезде в Екатеринбурге, по свидетельству очевидцев, на подносе образовалась целая гора серебряных крестов, причем многих жертвователей качали на руках. Делегаты съезда духовенства Таврической епархии постановили передать наперсные кресты в государственное казначейство, чтобы те были перелиты в Георгиевские кресты для награждения отличившихся на войне солдат. Свое желание в приветственной телеграмме А.Ф. Керенскому съезд выразил в следующих словах: «...мы же клир и миряне Тавриды приветствуем в лице твоём армию и флот, несём тебе всю утварь, всё золото и драгоценности церкви и всё, что имеем, а ты, вперив очи орлиные, зорко блюди интересы государственной свободной Руси» [53].

Праворадикальное крыло духовенства, придерживаясь монархических взглядов, одномоментно превратилось в маргинальное меньшинство. Лишь

немногие из них отваживались высказывали свое мнение по поводу смены власти, поскольку в новых реалиях это стало небезопасным.

Тем не менее, в марте 1917 г. еще раздавались голоса в поддержку Николая II. Так, архиепископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский), в проповеди, произнесенной 5 марта в кафедральном соборе г. Перми, сравнивал Николая II с мучеником, принесшим себя в жертву ради спасения народа: «Так и сей кроткий царь решился на самопожертвование высокое, чтобы объединился и утихомирился разгневанный народ. Царь за себя и за наследника отрекся от царского престола с передачей такового великому князю Михаилу Александровичу – своему царственному брату» [93].

Куда более радикально высказался епископ Екатеринбургский и Ирбитский Серафим (Голубятников). 2 марта 1917 г. обращаясь к пастве в Екатерининском соборе он в резких словах осудил произошедший государственный переворот: «Кучка бунтарей окаянных обнаглела до того, что осмелилась посягнуть на священные права помазанника Божьего, нашего царя-батюшку. <...> Умрем же за царя!» [93].

Епископу Серафиму пришлось поплатиться за свои слова, которые шли в разрез и с официальной линией Синода, и с общественным мнением. За приверженность монархическим идеям он подвергался многочисленным нападкам, покуда не был изгнан с кафедры решением епархиального съезда духовенства в мае того же года [82]. Решением Синода непокорный епископ был уволен на покой с местом проживания в Московском Новоспасском монастыре, где трагически окончил свою жизнь в 1921 г.

Возникает закономерный вопрос: что послужило причиной столь резкого изменения в сознании священнослужителей, еще до недавнего времени являвшихся лояльными подданными русских царей? Влияние общественных настроений не может быть полноценным объяснением произошедшего поворота. Клир, столетиями выполнявший функцию идеологической легитимации самодержавия, не мог одновременно

переродиться из-за смены политического дискурса. И даже если мы предположим, что часть духовенства поддалось конъюнктурным соображениям, это не объясняет полное безразличие, а во многих случаях энтузиазм, с которым члены клира встретили падение монархии.

В своем исследовании, посвященном разрыву церкви с монархией, митрополит Ферапонт (Кашин) предлагает свое объяснение данному феномену. Он акцентирует внимание на том, духовенство никогда не было пропитано монархическими убеждениями. В восприятии рядового священника не царь являлся основой государственности, а наоборот – самодержавие обретало черты государственного института. Таким образом, вознося молитвы за правящий дом на литургии и «царских» молебнах, духовенство, в его собственном восприятии, молилось за государство, живым олицетворением которого являлся император [76].

Выводы митрополита Ферапонта представляются нам обоснованными. Как мы убедились во второй главе нашего исследования, монархическое движение в среде духовного сословия появилось только в годы Революции 1905-1907 гг., когда самодержавие переживало тяжелейший кризис. Стремительную смену монархических настроений на республиканские сложно объяснить чем-то иным, кроме готовности церкви идти на контакты с государством вне зависимости от политического строя.

Уничтожение монархии ознаменовалось появлением нового института власти – Временного правительства, которое могло формально обосновать законность своего появления. Поскольку оно не разрушало существующее государственное устройство и не ущемляло права церкви, клир признал полномочия Временного правительства и начал оказывать ему поддержку [76]. Как показали события последующих десятилетий, Русская Православная Церковь смогла сотрудничать даже с советским государством, не смотря на его богоборческую идеологию.

Февральская революция запустила в обществе процессы формирования местного самоуправления. Среди населения они выражались в создании

советов, обладающих широкой автономией и, зачастую, открыто неподчиняющихся Временному правительству. В церковной среде местное самоуправление осуществлялось в виде епархиальных съездов духовенства и мирян.

Епархиальные съезды проходили весной-летом 1917 г. [113]. На них выносились решения по важнейшим вопросам: отношение к смене общественно-политического строя, признание Временного правительства, определение позиции местного духовенства по тем или иным событиям, реабилитация клириков запрещенных в священнослужении по политическим делам [28, с. 133-134] и т.п. Компетенция данных собраний была столь велика, что съезд мог изгнать с кафедры правящего архиерея, как и произошло с вышеупомянутым епископом Екатеринбургским и Ирбитским Серафимом (Голубятниковым).

Данные съезды демонстрируют всю глубину изменений, которые Февральская революция произвела в жизни церкви. Мы имеем дело с уникальной ситуацией, потому что ни до 1917 г., ни после него, миряне и приходское духовенство Русской Церкви не имели таких обширных прав, осуществляемых в форме прямой демократии.

Однако, по меткому замечанию С.Л. Фирсова: «Реализуемые в условиях политической нестабильности, права эти не могли быть закреплены постепенно формирующейся традицией: запоздалые, равно как и вынужденные реформы не помогают» [47]. В эпоху революционной борьбы голос пастырей во многом утратил свой вес. Политическая повестка определялась не епархиальными съездами, а их реакция на происходящие изменения носила сугубо рефлексивный характер, что сводило возможность влияния на происходящие в стране события до минимума.

3.2 Православное духовенство в условиях начала Гражданской войны.

Период Гражданской войны является одной из самых печальных страниц в истории Русской Православной Церкви. Правительство большевиков, пришедшее к власти 25 октября 1917 г., достаточно быстро продемонстрировало свое враждебное и бескомпромиссное отношение к православию. Хотя преследование верующих на государственном уровне началось спустя значительное время после Октябрьской революции, религиозные организации пострадали уже от первых декретов советской власти.

Так, декрет «О земле», принятый II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября 1917 г., объявлял о национализации всех церковных земель: «Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания» [65]. Данный декрет послужил отправной точкой новой волны изъятия сельскохозяйственных угодий приходов и монастырей, стартовавшей в декабре 1917 г. [101].

14 декабря 1917 г. ВЦИК издал Декрет «О национализации банков», согласно которому активы ликвидируемых учреждений передавались в Государственный банк [66]. На практике это обернулось утратой приходами денежных средств, хранившихся в частных банках. 18 декабря 1917 г. государство объявило юридическую недействительность церковного брака, объявив его «частным делом брачующихся» на основании Декрета ВЦИК и СНК «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [64]. Этим же документом обязанность регистрации браков была изъята у церкви и передана органам ЗАГС.

Однако Рубиконом, открывшим эпоху гонений, стало 2 февраля 1918 г., когда СНК был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», определивший характер дальнейших церковно-государственных отношений. Подробный анализ данного документа выходит за рамки нашего исследования, однако лейтмотивом декрета являлась реконструкция России в качестве светского государства.

Следует отметить, что установление принципа свободы совести в государственном законодательстве являлось в рассматриваемый период общераспространенной практикой. Аналогичные законодательные акты уже были приняты в США и ряде европейских государств [114]. Однако специфика Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» заключалась в статьях 12 и 13 статьи данного акта, гласивших: «Никакие церковные и религиозные общества, не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [63].

Фактически, речь шла о выводе церкви за рамки юридического поля, которая теперь переставала существовать как субъект права и лишалась всего своего имущества. Дискриминационный характер носила и 9 статья декрета, ликвидирующая всю систему духовного образования.

На практике, приходское духовенство в полной мере почувствовало суровость нового закона уже после Гражданской войны. Дезорганизация государственного аппарата и отсутствие опыта работы у советских служащих стали препятствием для реализации положений Декрета. Относительных успехов достиг лишь Наркомпрос, по чьему требованию было ликвидировано преподавание Закона Божия в школах и закрыты духовные учебные заведения [97]. Однако контроль за церковным имуществом и деятельностью религиозных общин не осуществлялся даже в крупных городах.

Подтверждением тому может служить рапорт сотрудницы Наркомюста РСФСР Н. Липкиной-Копейщиковой от 29 сентября 1918 г., в котором она

докладывала о результатах инспекционной поездки в Петроград: «...не сделано не только никаких шагов, но и не предназначено в ближайшем будущем каких-либо мероприятий, направленных к фактическому осуществлению как норм самого декрета, так и выработанной НКЮ к ней инструкции. <...> Церковно-приходские школы в большинстве районов продолжают свое существование, преподавание Закона Божьего практикуется едва ли не повсеместно...» [109]. Липкина-Копейщикова сообщала руководству, что спустя полгода после публикации Декрета, многие советы слышали лишь его название, но никогда не читали текст документа. Логично предположить, что в удаленной провинции реализация положений Декрета осуществлялась, как минимум, не лучше, чем в северной столице.

Однако наиболее тяжелым испытанием для духовенства стал Красный террор, ставший олицетворением гонений на веру в годы Гражданской войны. В современной историографии Красным террором принято называть комплекс репрессивных мер, направленных правительства большевиков против враждебных политических сил [85]. Отправной точкой данного исторического явления стало постановление СНК «О красном терроре», опубликованное 5 сентября 1918 года. Тем не менее, факты расправы над священнослужителями начались уже вскоре после революции. Первой жертвой стал протоиерей Екатерининского собора Царского села священномученик протоиерей Иоанн Кочуров, расстрелянный 30 октября 1917 г. [62]. Наибольший общественный резонанс произвела расправа над митрополитом Киевским и Галицким священномучеником Владимиром (Богоявленским), произведенная неизвестными 25 января 1918 г. [61].

Мнение отдельных авторов [60], относящих данные убийства к Красному террору, с нашей точки зрения, является тенденциозным. Целенаправленной политики террора до осени 1918 г. правительством большевиков не проводилось. В этот же период вооруженные силы красных отличалась крайне слабой дисциплиной, в их рядах был силен анархический

и уголовный элемент [69]. Убийства первых Новомучеников носят характер не спланированных карательных акций, а стихийных расправ. Число жертв этого хаотического террора было относительно не велико. Так, за Божественной литургией 31 марта патриарх Тихон поминал о упокоении за веру убиенных. Помимо митрополита Владимира (Богоявленского) предстоятель церкви помянул еще 17 убитых священнослужителей [50, с. 53].

В реалиях Гражданской войны террор постепенно приобретал все более организованный характер, сохраняя при этом тенденцию к усилению. В рамки официальной государственной политики он был возведен 5 сентября 1918 г. Постановлением СНК РСФСР «О красном терроре» [98]. Данный документ наделял органы ВЧК широкими полномочиями, фактически, предоставляя им свободу действий в применении репрессивных мер. Формально, контроль над деятельностью карательных органов осуществлялся Наркомюстом. В действительности аппарат ВЧК был подотчетен лишь руководящему составу партии большевиков [78].

Практику массового террора нельзя объяснить одной только политической волей СНК РСФСР. Корни данного явления, обусловившие его ожесточенный характер, лежат в глубоких внутренних противоречиях российского социума. Комплектование карательных органов выходцами из рабоче-крестьянской среды, веками подвергавшейся угнетению, неизбежно влияло на реализацию репрессивной политики.

Сохранившиеся документы убеждают нас, что руководство ВЧК отчетливо это понимало. Здесь уместно процитировать текст записки Ф.Э. Дзержинского о целях создания ВЧК: «...веками накопленное возмущение и ненависть пролетариата по отношению к классу угнетателей и защитников капиталистического строя выльется в ряд бессистемных правовых эпизодов, когда разбушевавшаяся стихия народного гнева будет сметать не только своих врагов, но и друзей, не только вредный и враждебный элемент, но и государственно полезный» [104].

К числу упомянутых Дзержинским «защитников капиталистического строя» органы ВЧК относили и духовенство. Священство открыто обвиняли в поддержке Белого движения и «живейшем участии в организации восстаний» [42, с. 69]. Именно под этим предлогом осенью 1918 г. была инициирована волна репрессий против членов клира, на этот раз уже организованная государством. Среди священников, репрессированных в данный период, оказался и священномученик иерей Анатолий Ивановский.

Одной из первых мер по реализации политики Красного террора в отношении духовенства, стал приказ ЧК Восточного фронта, направленный в виде телеграммы уездным чрезвычайным комиссарам. Данное распоряжение, датированное сентябрем 1918 г., предписывало: «На чехословацком фронте по всей прифронтовой полосе наблюдается самая широкая необузданная агитация духовенства против советской власти. <...> Ввиду этой явной контрреволюционной работы духовенства предписываю всем прифронтовым Чрезвычайным комиссарам обратить особое внимание на духовенство, установив тщательный надзор за ними, и подвергать расстрелу каждого из них, несмотря на его сан, кто дерзнет выступить словом или делом против советской власти» [4].

Получив данную телеграмму 13 сентября 1918 г., руководство Уржумской ЧК приняло решение: «...всех попов, выступивших с контрреволюционными проповедями и агитациями, немедленно арестовывать и препровождать в комиссию с протоколами обвинения» [4]. Информация о явных и мнимых контрреволюционерах поступала в уездный Чрезвычайный комиссар в виде сообщений «с мест». Зачастую, поводом для подобных обвинений становились личные мотивы доносчиков, стремившихся руками ЧК отомстить своим недругам.

Именно такой стала причина ареста священномученика иерея Анатолия Ивановского, произошедшая 30 сентября 1918 г. [4]. Об этом нам известно из письма его супруги Ю.М. Ивановской, которое она направила в Уржумское ЧК: «Некоторые из прихожан села Салтак-Ял сводя прежние

счета с мужем моим... и добиваясь смещения его с должности из села Салтак-Яла, донесли на него... возбудили против него обвинение в весьма тяжком преступлении как-бы агитации против советской власти, за что муж мой подвергнут лишению свободы» [4].

Как видно, первопричиной ареста стал приходской конфликт, который некие оппозиционные священнику прихожане решили с помощью ложного доноса. О невинности священномученика иерея Анатолия свидетельствовали члены причта: диакон Иоанн Иванов и Федот Ефремов, письменно уведомившие Уржумское ЧК, что настоятель «проповедей на политические темы не произносил, а произносил лишь на религиозные темы поучения» [5]. В своем втором письме следователям, Ю.М. Ивановская предлагала им опросить ряд лиц, которые могли бы свидетельствовать о невинности ее мужа [7].

Однако установление истинной картины произошедшего мало интересовало сотрудников карательных органов. В вину священномученика иерея Анатолию был поставлен факт прочтения за богослужением воззвания Патриарха Тихона [8], притом, что сам Патриарх Тихон в 1918 г. не подвергался уголовному преследованию. Негативное отношение Ивановского к вмешательству большевистского государства во внутрицерковные дела и отсутствие симпатий к советской власти также были расценены как контрреволюционная агитация. На основании этих в высшей степени неубедительных доводов следователь сделал заключение, что «Ивановский старается всеми силами воздействовать против существующей власти» [8] и постановил расстрелять обвиняемого. Казнь была произведена 30 октября 1918 г. в овраге, находящемся за городской чертой Уржума.

Необходимо отметить, что отец Анатолий мужественно перенес все выпавшие на его долю испытания. Арестованный пастырь вел дневник, который, незадолго до казни, смог передать жене. Данный документ сохранился до наших времен, и из него мы можем узнать о последнем месяце жизни священномученика.

На двух проведенных допросах отец Анатолий не признал себя виновным. В тюремной камере Ивановского находилось еще 12 человек. Арестованные подвергались психологическому давлению со стороны сотрудников ЧК, запугивавших их смертной казнью. Так, в записи от 8 октября Ивановский описывал визит некоего комиссара Одинцова, который заявил священнику: «Ну, отец, вы уже достаточно пожили на свете, помutilи народ. Теперь уже больше Вам не придется этого делать» [37, с. 41]. В тот день отец Анатолий записал: «Вечером, хотя не было уверенности, что меня поведут на заклание, но все-таки чувствовал неприятное ... настроение и ждал прихода за мною стражи».

Даже в столь тяжелых обстоятельствах иерей Анатолий продолжал исполнять свой пастырский долг. Батюшка ободрял сокамерников, читал им книги, которые ему разрешили взять с собой. По свидетельству дневника, у Ивановского было Евангелие, один из трудов святителя Феофана Затворника и сборник произведений Чехова. Отец Анатолий чередовал чтение духовной и светской литературы, ориентируясь на моральное состояние товарищей, по несчастью. С подачи священника, заключенные просили у руководства тюрьмы разрешения на совершение Всенощного бдения и Литургии, однако получили отказ.

Отметим, что священномученик иерей Анатолий Ивановский являлся одним из многих пастырей, с мужеством встретивших волну Красного террора. Даже под страхом смерти они оставались верны Христу и своей священнической присяге, открыв своими именами обширный список Новомучеников и Исповедников Церкви Русской.

Завершая данную главу, отметим, что свержение монархии было легко воспринято духовным сословием. Как Синод, так и масса клириков на местах без колебаний признали власть Временного правительства, с которым теперь начали связывать свои чаяния.

Следом за всем обществом, духовенство массово «полевело». На страницах епархиальной периодики появилась откровенно революционная

риторика. По стране прокатилась волна акций по уничтожению царской символики, в которой принимали участие и священнослужители. Монархисты в среде клириков оказались в абсолютном меньшинстве, а публичные высказывания своих симпатий к самодержавию могли обернуться серьезными неприятностями.

Февральская революция запустила процесс демократизации церковной жизни, начало которого было ознаменовано епархиальными съездами духовенства и мирян, проходившими в стране весной-летом 1917 г. На этих съездах происходило вынесение коллективных решений по важнейшим вопросам политической жизни, церковно-государственных отношений и внутрицерковным проблемам. Обсуждение актуальной повестки на епархиальных съездах имело большое значение при подготовке и проведении Поместного собора 1917-1918 гг.

Тем не менее, все перспективы развития дальнейшего Русской Церкви были перечеркнуты установлением власти большевиков. Достаточно быстро советское правительство обозначило свое враждебное отношение к православию. Точкой отсчета гонений на государственном уровне можно считать 2 февраля 1918 г., когда СНК был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Данный документ носил дискриминационный характер, де-факто выводя церковь за рамки юридического поля. Хотя практическая реализация декрета серьезно задержалась из-за Гражданской войны, в дальнейшем он определял характер церковно-государственных отношений.

Расправы над священнослужителями начались непосредственно после Октябрьской революции, однако это были бессистемные эксцессы, обусловленные инициативой частных лиц. В гораздо большей степени духовенство коснулся Красный террор, развернутый 5 сентября 1918 г. Организованные на государственном уровне репрессии, подпитанные острыми социальными противоречиями и ожесточенным характером Гражданской войны, повлекли за собой множество жертв среди духовенства.

К числу последних относится священномученик Анатолий Ивановский, расстрелянный 30 октября 1918 г. Как и многие священнослужители того периода, он стал жертвой недоброжелателей, написавших на него донос в уездную ЧК. Ивановский был арестован 30 сентября 1918 г. и препровожден в Уржум, где, верный пастырскому долгу, ободрял и духовно окормлял своих сокамерников. В течении месяца он дважды подвергался допросам, так и не признав надуманного обвинения в контрреволюционной агитации.

К сожалению, следователи ЧК не ставили перед собой целью установить истину. За отсутствием доказательств антисоветской деятельности священномученика иерея Анатолия Ивановского, ему был вменен в вину факт прочтения за богослужением воззвания патриарха Тихона, отрицание права государства вмешиваться во внутрицерковные дела и отсутствие симпатий к советской власти. На основании вышеизложенного, священник был приговорен к расстрелу. Казнь была произведена 30 октября 1918 г. в овраге, находящемся за городской чертой Уржума. Аналогичным образом Красный террор применялся ко многим представителям духовенства, в отношении которых следственные действия носили формальный характер, либо не производились вовсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Синодальная эпоха стала временем превращения православного духовенства в закрытое, полностью обособленное сословие. Доступ в него для представителей других сословий был законодательно ограничен, выход из духовного ведомства приводил к лишению привилегий и понижению социального статуса. Главной тому причиной являлась политика государства, не заинтересованного в уходе тяглого населения в неподатное сословие. Немалую роль играло и стремление самого духовенства закрепить приходские места за своими семьями, оградив свою корпорацию от проникновения в нее посторонних лиц.

Глубокие изменения в жизни клира начались в эпоху Александровских реформ, когда государство де-юре ликвидировало сословные перегородки. Первым шагом стало принятие Университетского устава 1863 г., согласно которому выпускники духовных семинарий могли приниматься на учебу в университеты. Вторым шагом послужила реорганизация учебного процесса в семинариях, осуществленная в 1867 г. Помимо этого поступление в семинарии было открыто для выходцев из других общественных групп. Наконец, в 1869 г. был пересмотрен сам состав духовного сословия. Из него были исключены звонари, певчие, церковные сторожа, а самое главное – дети клириков и причетников. Теперь выходцы из духовного сословия могли проявить на себя на любом поприще, однако за ними сохранялось привилегированное положение при поступлении в духовные семинарии.

Преобразования 60-х годов XIX в. вызвали постепенную трансформацию духовного сословия в открытую социальную группу, вступление в которую носило добровольный характер. Непосредственной реакцией на реформы стала волна поступлений студентов семинарий в светские вузы.

Масштаб данного явления был таков, что государство было вынуждено принимать ограничительные меры, чтобы остановить начавшийся процесс.

Нежелание детей духовенства связывать свою судьбу со священнослужением было обусловлено неоднозначным положением в обществе самого института церкви. Клер вел достаточно обособленную жизнь, священническое служение не считалось престижным или доходным. Хронологически, отток молодежи продолжался вплоть до самой революции, вымывая из числа потенциальных кандидатов на хиротонию самых инициативных и образованных юношей.

С другой стороны, происходило очищение клира от людей, не желающих становиться пастырями. В рамках сословной системы у детей духовенства не оставалось выбора, что приводило к появлению в рядах священнослужителей совершенно негодных к тому людей. Теперь каждый желающий мог подобрать себе занятие в соответствии с личными предпочтениями и наклонностями. Уход молодых людей после семинарий являлся серьезной проблемой, однако сохранение прежней принудительной системы было чревато для Церкви гораздо худшими последствиями. Александровские реформы стали болезненным, но объективно необходимым средством адаптации церковного организма под реалии наступившей капиталистической эпохи.

Место ушедших «духовных» постепенно занимали выходцы из мирян, принимавшие благодать священства из желания послужить Богу, а не в силу сословных предписаний. К сожалению, число таких людей до самой революции оставалось невелико, а учеба в духовных семинариях нередко расценивались такими студентами только как средство получения среднего образования.

Пример священномученика иерея Анатолия Ивановского демонстрирует нам как выходец из духовного сословия, имеющий все возможности для несения пастырского служения, намеренно пренебрег им ради светской карьеры. Только крушение планов вынудило его, по истечении нескольких лет, вернуться в духовное ведомство.

В целом, не смотря на проведенные реформы, духовенство даже в предреволюционные годы оставалось замкнутой, самобытной корпорацией, со специфическим внутренним укладом, мало подверженным влияниям извне и не отвечающим большинству запросов своих молодых членов. При все этом духовное сословие представляло собой достаточно неоднородную социальную группу.

Разделение духовного сословия проходило не только по линиям иерархической субординации и семейного положения, но и по мировоззренческим позициям. Наиболее контрастно из данной группы выделялась молодежь – самая активная и подверженная протестным настроениям ее часть.

Либеральные реформы Александра II оказали глубокое влияние на юных представителей духовного сословия, изменив мировоззренческую парадигму всей молодежной среды. Разрушение сословных рамок повлекло за собой эрозию сословной морали, отрицание молодежью ценностей церковной среды, катализировало упадок нравов и кризис религиозной веры.

Предпринятая в эпоху Порбедоносцева попытка решить сложившийся комплекс проблем методом ужесточения дисциплины лишь углубила протестный потенциал. Недовольство студентов семинарий имел под собой объективные причины, заключавшиеся в специфике системы духовного образования. Духовные школы, традиционно служившие местом обучения детей клира, нередко плохо содержались, а надзор за учащимися принимали унижительные формы. Это приводило к открытым выступлениям, либо катализировало непрямые формы протеста: выход выпускников из духовного ведомства, увлечению революционными идеями, отходу от веры.

При этом семинаристы оставались на периферии студенческого протеста, оставаясь в значительной степени аполитичными. Причины беспорядков в духовных школах носили сугубо внутренний характер. Однако государственная система своей политикой провоцировала сближение семинаристов со слоем бунтарски настроенной интеллигенции.

В отличие от юных представителей духовного сословия, клир Русской Церкви стоял на лоялистских, консервативных и умеренно-правых позициях, в целом, дистанцируясь от вопросов политики. Этому способствовал отсев радикально настроенных студентов семинарий, происходивший еще на этапе обучения.

Революция 1905-1907 гг. поляризовало духовенство Российской империи, среди которого выделилось реформистски настроенное либеральное крыло и влиятельное праворадикальное крыло, поддерживающее черносотенное движение. Среди духовенства встречались и носители левых политических взглядов, однако они составляли маргинальное меньшинство.

Февральская революция принесла радикальные изменения в жизнь приходского духовенства. Свержение монархии было легко воспринято духовным сословием. Как Синод, так и масса клириков на местах без колебаний признали власть Временного правительства, с которым связывали свои чаяния.

Следом за всем обществом, духовенство массово «полевело». На страницах епархиальной периодики появилась откровенно революционная риторика. По стране прокатилась волна акций по уничтожению царской символики, в которой принимали участие и священнослужители. Монархисты в среде клириков оказались в абсолютном меньшинстве, а публичные высказывания своих симпатий к самодержавию могли обернуться серьезными неприятностями.

Февральская революция запустила процесс демократизации церковной жизни, начало которого было ознаменовано епархиальными съездами духовенства и мирян, проходившими в стране весной-летом 1917 г. На этих съездах происходило вынесение коллективных решений по важнейшим вопросам политической жизни, церковно-государственных отношений и внутрицерковным проблемам. Обсуждение актуальной повестки на

епархиальных съездах имело большое значение при подготовке и проведении Поместного собора 1917-1918 гг.

Тем не менее, все перспективы развития дальнейшего Русской Церкви были перечеркнуты Октябрьской революцией. Достаточно быстро большевистское правительство обозначило свое враждебное отношение к православию. Точкой отсчета гонений на государственном уровне можно считать 2 февраля 1918 г., когда СНК был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Данный документ носил дискриминационный характер, де-факто выводя церковь за рамки юридического поля. Хотя реализация декрета серьезно задержалась из-за Гражданской войны, в дальнейшем он определил характер церковно-государственных отношений.

Расправы над священнослужителями начались непосредственно после Октябрьской революции, однако это были бессистемные эксцессы, обусловленные инициативой частных лиц. В гораздо большей степени духовенство коснулся Красный террор, развернутый 5 сентября 1918 г. Организованные на государственном уровне репрессии, подпитанные острыми социальными противоречиями и ожесточенным характером Гражданской войны, повлекли за собой множество жертв среди духовенства.

К числу последних относится священномученик Анатолий Ивановский, расстрелянный 30 октября 1918 г. Как и многие священнослужители того периода, он стал жертвой недоброжелателей, написавших на него донос в уездную ЧК. Ивановский был арестован 30 сентября 1918 г. и препровожден в Уржум, где, верный пастырскому долгу, ободрял и духовно окормлял своих сокамерников. В течении месяца он дважды подвергался допросам, так и не признав надуманного обвинения в контрреволюционной агитации.

К сожалению, следователи ЧК не ставили перед собой целью установить истину. За отсутствием доказательств антисоветской деятельности Анатолия Ивановского, ему был вменен в вину факт прочтения за богослужением воззвания патриарха Тихона, отрицание права государства

вмешиваться во внутрицерковные дела и отсутствие симпатий к советской власти. На основании вышеизложенного, священник был приговорен к расстрелу. Казнь была произведена 30 октября 1918 г. в овраге, находящемся за городской чертой Уржума. Аналогичным образом Красный террор применялся ко многим представителям духовенства, в отношении которых следственные действия носили формальный характер, либо не производились вовсе.

В целом, можно сказать, что приходское духовенство второй половины XIX – начало XX вв. повторило судьбу всего российского социума. Разрушение сословных рамок привело к постепенному изменению мировоззренческих парадигм, а через него – к росту протестных настроений и стремлению адаптировать свою жизнь к изменяющимся условиям. Крушение самодержавия катализировало процессы демократизации и преобразований в церковной среде, высшей точкой которых стал Поместный собор 1917-1918 гг. Однако неразрешимые общественные противоречия, воплотившиеся в форме Гражданской войны, привели к многочисленным жертвам среди духовенства и катастрофическим последствиям для всей Русской Церкви.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники.

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Клировая ведомость Казанско-Богородицкой церкви с. Салтакъ-Ял за 1902 г. ГАКО Ф.237. Оп.70. Д.1535. Л.752.об.
2. ГАКО. Клировая ведомость Казанско-Богородицкой церкви с. Салтакъял за 1906 г. ГАКО Ф.237. Оп.70. Д.1628. Л.1055 об.
3. ГАРМЭ. Архиерейский указ. ГА РМЭ Ф.172. Оп.1. Д.56. Л.118.
4. ГАРМЭ, телеграмма ЧК Восточного фронта ГА РМЭ Р.368. Оп.1. Д.16. Л.124.
5. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ). Заявление членов причта ГАСПИ КО Ф.6799. Оп.9. Д. СУ-11628. Т.1. Л.3.
6. ГАСПИ. Письмо Ю.М. Ивановской в Уржумскую ЧК. ГАСПИ КО Ф.6799. Оп.5. Д. СУ-6538 Т.1. Л.2.-2.об.
7. ГАСПИ. Письмо Ю.М. Ивановской в Уржумскую ЧК. ГАСПИ КО Ф.6799. Оп.9. Д. СУ-11628. Т.1. Л.4.
8. ГАСПИ. Постановление следователя Уржумской ЧК. ГАСПИ КО Ф.6799. Оп.5. Д. СУ-6538 Т.1. Л.7.
9. ГАСПИ. Протокол допроса свящ. А.Д. Ивановского от 30.09.1918. ГАСПИ КО Ф.6799. Оп.5. Д.СУ-6538. Т.1. Л.8.
10. ГАСПИ. Протокол об аресте свящ. А.Д. Ивановского ГАСПИ КО Ф.6799. Оп.5. Д. СУ-6538 Т.1. Л.6.
11. Национальный архив Республики Татарстан, запрос епископа Вятского и Слободского Сергия в Казанский университет об А.Д. Ивановском от 29 ноября 1894 г. НА РТ Ф.977. Оп.1. Д.31293. Л.23.
12. НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Докладная записка попечителя округа инспектору Императорского Казанского университета от 22 января 1889 г. НА РТ Ф.977. Оп.1. Д.31293. Л.17.

13. НА РТ. Донесение архиепископа Казанского и Свияжского Арсения обер-прокурору Святейшего синода К. П. Победоносцеву от 8 апреля 1899 г. // НА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 942. Л. 16-17.
14. НА РТ. Донесение пристава 4 стана Чистопольского уезда Казанской губернии от 26.01.1906. НА РТ Ф.4. Оп.1. Д.121337. Л.2.
15. НА РТ. Донесение ректора Казанской духовной семинарии архимандрита Кирилла архиепископу Казанскому и Свияжскому Арсению за № 235 от 10 марта 1899 г. // НА РТ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 942. Л.1.
16. НА РТ. Представление ректора Казанской духовной семинарии архимандрита Кирилла Высокопреосвященнейшему Арсению, архиепископу Казанскому и Свияжскому за № 445 от 7 мая 1899 г. // НА РТ. Ф.116. Оп.1. Д.912. Л.7.
17. НА РТ. Клировая ведомость Петропавловской церкви с. Ширданы. НАРТ Ф.4. Оп.141. Д.24. Л.267.об.-268.
18. НАРТ. Прошение А.Д. Ивановского об отчислении из университета от 30.04.1890 г. НА РТ Ф.977. Оп.1. Д.31293. Л.20.
19. НА РТ. Прошение А.Д. Ивановского о зачислении на медицинский факультет НА РТ Ф.977. Оп.1. Д.31293. Л.7.
20. НА РТ. Рапорт благочинного 2 округа Чистопольского уезда свящ. Петра Касаткина. НА РТ Ф.4. Оп.1. Д.121337. Л.4.
21. НА РТ. Свидетельство об испытании зрелости А.Д. Ивановского. НА РТ Ф.977. Оп.1. Д.31293. Л.8.
22. НА РТ. Свидетельство о благонадежности А.Д. Ивановского НА РТ Ф.977. Оп.1. Д.31293. Л.16.
23. НА РТ. Свидетельство о состоянии здоровья А.Д. Ивановского от 30 апреля 1890 г. НА РТ Ф.977. Оп.1. Д.31293. Л.21.
24. Постановление Казанской духовной консистории НА РТ Ф.4. Оп.1. Д.121337. Л.16-16.об.

Статьи.

25. Воззвание Священного Синода к чадам православной церкви // Известия по Казанской епархии. – 1917. – №9-10. С.100.
26. Из Уржумского уезда // Вятская жизнь. 1904, №32. С.3.
27. *Мышцын В.Н.* Конституция и христианство // Богословский вестник. 1906. Март. С. 601.
28. Отношение на имя «Экстренного Съезда о.о. депутатов от духовенства Казанской Епархии» Архиепископа Казанского и Свияжского Иакова // Известия по Казанской епархии. – 1917. – №9-10. С.133-134.
29. Указ Святейшего Синода // Известия по Казанской епархии. – 1917. – №11-12. С.133-134.

Исследовательская литература.

30. *Борзаковский П.К.* В бурсе – семинарии. / П.К. Борзаковский. – Киев, 1903.
31. *Булгаков С.Н., свящ.* Автобиографические заметки. Дневники. Статьи / С.Н. Булгаков. – Орел: Изд-во Орловской гос. телерадиовещат. компании, 1998. – 434 с.
32. *Васина С.М.* Приходское духовенство Марийского края в XIX - XX вв. : Дис. канд. ист. наук / С.М. Васина. – Йошкар-Ола, 2003. – 361 с.
33. *Вишленкова Е.А.* Радикальная интеллигенция как побочный продукт университета Российской империи / Е.А. Вишленкова. // Логос – М.: Издательство Института Гайдара, 2005, № 6. – 218-232 с.
34. *Вишленкова Е.В., Галиуллина Р.Х.* : препринт WP6/2011/01 [Текст] / Е. А. Вишленкова, Р. Х. Галиуллина. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 72 с.
35. *Выдрин Р.* Основные моменты студенческого движения. / Р. Выдрин. – М., 1908. – 86 с.

36. *Глубоковский Н.Н.* За тридцать лет: (1884-1914). / Н.Н. Глубоковский – М., Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. – 19 с.
37. *Ерошкин Ю.В.* Новомученики земли Марийской. / Ю.В. Ерошкин – Йошкар-Ола, 2013, – 95 с.
38. *Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / П.Н. Зырянов – М.: Изд. Наука, 1984. – 224 с.
39. *Зырянов П.Н.* Церковь в период трех русских революций / П.Н. Зырянов / Русское православие. Вехи истории. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
40. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX - начале XX в. / А.Е. Иванов – М., 1991. – 392 с.
41. *Кириченко О.В.* Дворянское благочестие. XVIII в. / О.В. Кириченко – М.: Паломник, 2002 – 464 с.
42. *Красиков П.А.* Советская власть и церковь / П.А. Красиков / Деятели Октября о религии и церкви (Статьи. Речи. Беседы. Воспоминания) – М. Мысль, 1968. – 240 с.
43. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII— начало XX в.) / Б.Н. Миронов – СПб., «Дмитрий Буланин», 2003, Т.1. – 583 с.
44. *Ростиславов Д.И.* О православном белом и черном духовенстве в России / Д.И. Ростиславов – СПб, Гелиос, 2011. Т.2. – 1392 с.
45. *Смолич И. К.* История Русской церкви: 1700–1917 / И.К. Смолич – М., Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Ч.1. С.470. – 799 с.
46. *Титлинов Б.В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860-1905 гг. / Б.В. Титлинов – Л., Государственное издательство, 1924. – 166 с.
47. *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 г.) / Л.С. Фирсов – М.: Духовная библиотека, 2002 – 637 с.

48. *Фирсов С.Л.* Церковь в империи: Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II – СПб., Сатисъ, 2007. – 464 с.
49. *Хохлов А.А.* Семинарское бунтарство: вехи истории Казанской духовной семинарии / А.А. Хохлов – Казань, Изд-во Казан. ун-та 2017. – 204 с.
50. *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви 1917-1997 / прот. В.А. Цыпин – М., Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1997, Т.9. – 830 с.

Электронные ресурсы.

51. *Алешин И.А.* Павел Николаевич Зырянов историк русской православной церкви [электронный ресурс] / И.А. Алешин. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Челябинск, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pavel-nikolaevich-zyryanov-istorik-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi> (дата обращения 16.11.2020)
52. *Амелин А.Ю.* Бунты в духовных школах и первая Русская революция. [электронный ресурс] / А.Ю. Амелин // Материалы конференции «История христианского просвещения и духовного образования в России». – М., 2011. URL: http://history-mda.ru/konf_25_26_dek_2010/buntyi_v_duhovnyih_shkol-2_80.html (дата обращения 10.11.2020)
53. *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и «Старорежимные» символика и ономастика (весна 1917 г.) [электронный ресурс] / М.А. Бабкин. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Челябинск, 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovenstvo-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-i-starorezhimnye-simvolika-i-onomastika-vesna-1917-g> (дата обращения 24.11.2020)

54. *Беллюстин И.С.* Описание сельского духовенства. [электронный ресурс] / И.С. Беллюстин. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/opisanie-selskogo-duhovenstva/ (дата обращения 25.10.2020)
55. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. [электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. URL: https://librebook.me/istoki_i_smysl_russkogo_kommunizma (дата обращения 10.11.2020)
56. *Бирюкова Ю.А.* Проблема формирования новой модели государственно-церковных отношений после Февральской революции в решениях Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 1917 г. [электронный ресурс] / Ю.А. Бирюкова. // Научная мысль Кавказа – Ростов-на-Дону, 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-novoy-modeli-gosudarstvenno-tserkovnyh-otnosheniy-posle-fevral'skoy-revoljutsii-v-resheniyah-donskogo> (дата обращения 24.11.2020)
57. *Богданова Т.А., Клементьев А.К., Косик В.И. Евлогий.* // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Кирилла (Гундяева) [электронный ресурс] / Т.А. Богданова – М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2013, Т.17. URL: <https://www.pravenc.ru/text/187191.html> (дата обращения 16.11.2020)
58. *Бойко С.И.* Противостояние Казанского губернского жандармского управления и учащейся молодежи в конце XIX начале XX веков [электронный ресурс] / С.И. Бойко. // Вестник Чувашского университета – Чебоксары, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivostoyanie-kazanskogo-gubernskogo-zhandarmskogo-upravleniya-i-uchascheysya-molodezhi-v-kontse-xix-nachale-xx-vekov-1> (дата обращения 13.11.2020)

59. *Бунт*. // Толковый словарь Ожегова. [электронный ресурс] URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=2368> (дата обращения 10.11.2020)
60. *Волков С.В.* Историк Сергей Волков: «Генетическому фонду России был нанесен чудовищный, не восполненный до сего времени, урон» [электронный ресурс] / С.В. Волков / Царь грядет. URL: <http://www.iskupitel.info/node/770> (дата обращения 26.10.2020)
61. *Галкин А.К.*, Дамаскин (Орловский), игумен. Иоанн // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Кирилла (Гундяева) [электронный ресурс] / А.К. Галкин – М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия» 2010, Т.8, URL: <https://www.pravenc.ru/text/158956.html> (дата обращения 26.10.2020)
62. *Галкин А.К.* Иоанн // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Кирилла (Гундяева) [электронный ресурс] / А.К. Галкин – М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2010, Т.23, URL: <https://www.pravenc.ru/text/469121.html> (дата обращения 26.10.2020)
63. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [электронный ресурс] URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения 25.11.2020)
64. Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения 25.11.2020)
65. Декрет «О земле» [электронный ресурс] URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_zemle.htm (дата обращения 25.11.2020)
66. Декрет «О национализации банков» [электронный ресурс] URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5315/> (дата обращения 25.11.2020)

67. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов [электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/soslov.htm> (дата обращения 22.10.2020)
68. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. [электронный ресурс] / митр. Евлогий (Георгиевский). URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2248#part_31417 (дата обращения 15.11.2020)
69. *Ермаков В.Д.* Российские анархисты в палитре бурных событий Гражданской войны 1918-1920 гг. [электронный ресурс] / В.Д. Ермаков // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры – СПб., 2014, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-anarhisty-v-palitre-burnyh-sobytiy-grazhdanskoj-voyny-1918-1920-gg> (дата обращения 26.10.2020)
70. *Ерошкин Ю.В.* Священник Хрисанф Поляков. [электронный ресурс] / Ю.В. Ерошкин / Официальный сайт комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской митрополии. URL: <http://ortho-hist-12.ru/index.php?page=hrisanf-polyakov-svyaschennik> (дата обращения 27.10.2020)
71. *Жарова Е.Ю.* О вступительных экзаменах в университеты Российской империи во второй половине XIX - начале XX века. [электронный ресурс] / Е.Ю. Жарова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – Пермь, 2016, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vstupitelnyh-ekzamenah-v-universitety-rossiyskoj-imperii-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения 21.10.2020)
72. *Земцов Л.И.* Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века. [электронный ресурс] / Л.И. Земцов // Via in tempore. История. Политология – Белгород, 2008, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krestyanstvo-i-prihodskoe-duhovenstvo-v-nachale-hh-veka> (дата обращения 27.10.2020)

73. *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен Петра. [электронный ресурс] / П.В. Знаменский – Казань: Университетская типография, 1873 URL: https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Znamenskij/prihodskoe-duhovenstvo-v-rossii-so-vremeni-reformy-petra/ (дата обращения 20.10.2020)
74. *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. [электронный ресурс] / П.В. Знаменский. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Petr_Znamenskij/istorija-russkoj-tserkvi-znamenskij/5_1_22 (дата обращения 20.10.2020)
75. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви [электронный ресурс] / А.В. Карташев. – М.: ТЕПРА, 1992, Т.2. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/ocherki-po-istorii-russkoj-tserkvi-tom-2/2_25_2 (дата обращения 20.10.2020)
76. *Кашин Д.В. (митр. Ферапонт)* Костромская епархия в марте 1917 года: прощание с монархией [электронный ресурс] / митр. Ферапонт (Кашин) // Вестник Костромского государственного университета – Кострома, 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kostromskaya-eparhiya-v-marte-1917-goda-proshanie-s-monarhiey> (дата обращения 24.11.2020)
77. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьбы за власть: к изучению политической культуры Российской революции 1917 года. [электронный ресурс] / Б.И. Колоницкий // Вестник культурологии – М., 2002 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/b-i-kolonitskiy-simvoly-vlasti-i-borby-za-vlast-k-izucheniyu-politicheskoy-kultury-rossiyskoj-revoljutsii-1917-goda> (дата обращения 15.11.2020)
78. *Колотков М.Б.* Значение Декрета «о красном терроре» от 5 сентября 1918 г. В формировании системы политических репрессий в советской России в 1918-1922 гг. [электронный ресурс] / М.Б. Колотков // Актуальные проблемы российского права – М., 2009 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-dekreta-o-krasnom-terrore-ot-5->

- sentyabrya-1918-g-v-formirovanii-sistemy-politicheskikh-repressiy-v-sovetskoy-rossii-v-1918-1922-gg (дата обращения 28.10.2020)
79. *Коротков Ю.Н.* Элпидин Михаил / Ю.Н. Коротков / Большая советская энциклопедия [электронный ресурс] URL: <http://bse.sci-lib.com/article126324.html> (дата обращения 13.11.2020)
80. *Краснов П.В.* «Студенческий вопрос» и его истоки глазами служащих политической полиции российской империи 80–90-х гг. XIX в. [электронный ресурс] / П.В. Краснов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки - М., 2013 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskiy-vopros-i-ego-istoki-glazami-sluzhaschih-politicheskoy-politsii-rossiyskoy-imperii-80-90-h-gg-xix-v> (дата обращения 10.11.2020)
81. *Лавицкая М.И.* Правовое положение духовного сословия в России в XIX - начале XX в. [электронный ресурс] / М.И. Лавицкая // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки – Тамбов, 2009 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-duhovnogo-sosloviya-v-rossii-v-xix-nachale-xx-v> (дата обращения 20.10.2020)
82. *Лемешевский В.В. (митр. Мануил)* Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Часть 6. [электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Manuil_Lemeshevskij/russkie-pravoslavnyue-ierarhi-perioda-s-1893-po-1965-gody-chast-6/13 (дата обращения 24.11.2020)
83. *Лисюнин В., прот.* Консервативное православное духовенство как общественно-политическая сила в начале XX века (по материалам Тамбовской епархии) [электронный ресурс] / В. Лисюнин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки – Тамбов, 2018 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konservativnoe-pravoslavnoe-duhovenstvo-kak-obschestvenno-politicheskaya-sila-v-nachale-xx-veka-po-materialam-tambovskoy-eparhii> (дата обращения 16.11.2020)

84. *Лисюнин В., прот.* Православное духовенство на правом фланге общественно-политической жизни в конце XIX - начале XX века [электронный ресурс] / В. Лисюнин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки – Тамбов, 2017 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnoe-duhovenstvo-na-pravom-flange-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-v-kontse-xix-nachale-xx-veka> (дата обращения 16.11.2020)
85. *Литвин А.Л.* Красный террор // Большая российская энциклопедия [электронный ресурс] URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2107822 (дата обращения 26.11.2020)
86. *Лушин А.Н.* Приобретение дворянства лицами духовного звания в Российской империи в XVIII — начале XX века: историко-правовой аспект. [электронный ресурс] / А.Н. Лушин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России – Нижний Новгород, 2013 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priobretenie-dvoryanstva-litsami-duhovnogo-zvaniyav-rossiyskoy-imperii-v-xviii-nachale-xx-veka-istoriko-pravovoy-aspekt> (дата обращения 22.10.2020)
87. *Мартынова А.Ю.* Российское студенчество и Февральская революция [электронный ресурс] / А.Ю. Мартынов // Новый исторический вестник – М., 2005 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-studenchestvo-i-fevral'skaya-revoljutsiya> (дата обращения 10.11.2020)
88. *Мошненко А.В.* К вопросу о политической ориентации российского православного духовенства в 1905-1907 гг [электронный ресурс] / А.В. Мошненко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви – М., 2015 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-politicheskoy-orientatsii-rossiyskogo-pravoslavnogo-duhovenstva-v-1905-1907-gg> (дата обращения 16.11.2020)

89. *Мошненко А.В.* Роль православного духовенства в организации Союза русского народа (1905-1907) [электронный ресурс] / А.В. Мошненко // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 2014 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pravoslavnogo-duhovenstva-v-organizatsii-soyuza-russkogo-naroda-1905-1907> (дата обращения 16.11.2020)
90. Определение Святейшего Синода от 25 ноября – 10 декабря 1886 года за № 2572, о воспрещении воспитанникам духовно-учебных заведений отлучек из училищных общежитий в учебные дни. [электронный ресурс] / Томские епархиальные ведомости, 1887, №2. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-209/> (дата обращения 16.11.2020)
91. *Павленко Т.А.* Бунты семинаристов в 1905-1907 гг.: традиционный протест в условиях революции [электронный ресурс] / Т.А. Павленко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – СПб., 2008 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bunty-seminaristov-v-1905-1907-gg-traditsionnyu-protest-v-usloviyah-revoljutsii> (дата обращения 13.11.2020)
92. *Павленко Т.А.* Петиции учащихся православных семинарий как источник по истории протестного движения семинаристов в 1905-1907 гг. [электронный ресурс] / Т.А. Павленко // Вспомогательные исторические дисциплины – СПб., 2010 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/petitsii-uchaschihsya-pravoslavnyh-seminariy-kak-istochnik-po-istorii-protestnogo-dvizheniya-seminaristov-v-1905-1907-gg> (дата обращения 10.11.2020)
93. *Печерин А.В.* Эволюция политических взглядов духовенства Русской Православной Церкви на события 1917 г. (на примере уральского региона) [электронный ресурс] – А.В. Печерин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии – Екб., 2018 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-politicheskikh-vzglyadov->

- duhovenstva-russkoj-pravoslavnoy-tserkvi-na-sobytiya-1917-g-na-primere-uralskogo-regiona (дата обращения 24.11.2020)
94. *Попова А.Д.* Александровская модернизация в глазах представителей духовного сословия [электронный ресурс] / А.Д. Попова // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина – Рязань, 2017 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandrovskaaya-modernizatsiya-v-glazah-predstaviteley-duhovnogo-sosloviya> (дата обращения 23.10.2020)
95. *Попова О.Д., Попова А.Д.* Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX веков) [электронный ресурс] / О.Д. Попова // Новый исторический вестник – М., 2017 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buntuyuschaya-seminariya-protestnoe-dvizhenie-v-duhovnyh-uchebnyh-zavedeniyah-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-vekov> (дата обращения 12.11.2020)
96. *Попова О.Д.* Петиции воспитанников духовной школы как выражение общественной мысли в годы первой русской революции [электронный ресурс] / О.Д. Попова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета – Саратов, 2007 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/petitsii-vospitannikov-duhovnoy-shkoly-kak-vyrazhenie-obshchestvennoy-mysli-v-gody-pervoy-russkoj-revoljutsii> (дата обращения 12.11.2020)
97. *Попова О.Д.* Советская власть и духовно-учебные заведения русской православной церкви [электронный ресурс] / О.Д. Попова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – СПб., 2008 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-vlast-i-duhovno-uchebnye-zavedeniya-russkoj-pravoslavnoy-tserkvi> (дата обращения 25.11.2020)

98. Постановление СНК РСФСР «О красном терроре» [электронный ресурс] URL: <http://lenin.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-snk-o-krasnom-terrore> (дата обращения 28.10.2020)
99. *Почепцов С.С.* Религиозные субкультуры: проблема взаимосвязи с субкультурными религиями [электронный ресурс] / С.С. Почепцов // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право* – Белгород, 2011 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-subkultury-problema-vzaimosvyazi-s-subkulturnymi-religiyami> (дата обращения 25.10.2020)
100. *Протопопов А.И.* Петиции учащейся молодежи средних учебных заведений Верхнего Поволжья в период революционного движения 1905 года [электронный ресурс] / А.И. Протопопов // *Ярославский педагогический вестник* – Ярославль, 1999 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/petitsii-uchascheysya-molodezhi-srednih-uchebnyh-zavedeniy-verhnego-povolzhya-v-period-revoljucionnogo-dvizheniya-1905-goda> (дата обращения 12.11.2020)
101. *Рассказов Л.П., Верхогляд Д.А.* Ленинская идея национализации земли и ее реализация в процессе формирования законодательной базы, определявшей статус земельной собственности после Октябрьской революции 1917 г. [электронный ресурс] / Л.П. Рассказов // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета* – Краснодар, 2013 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leninskaya-ideya-natsionalizatsii-zemli-i-ee-realizatsiya-v-protssesse-formirovaniya-zakonodatelnoy-bazy-opredelyavshey-status-zemelnoy> (дата обращения 25.11.2020)
102. *Рогов К.А.* Процессы формирования марксизма в России [электронный ресурс] /К.А. Рогов // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева* – Красноярск, 2008 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-formirovaniya-marksizma-v-rossii> (дата обращения 10.11.2020)

103. *Смагин А.Н.* Приходское духовенство во второй половине XIX - начале XX века. [электронный ресурс] / А.Н. Смагин // Россия и АТР – Владивосток, 2006 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prihodskoe-duhovenstvo-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-v> (дата обращения 20.10.2020)
104. *Соколов А.С.* Роль и место органов ВЧК в политике красного террора [электронный ресурс] / А.С. Соколов // Власть – М., 2019 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-organov-vchk-v-politike-krasnogo-terrora> (дата обращения 28.10.2020)
105. Статья 64 Свода Основных Государственных Законов Российской империи. [электронный ресурс] URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения 24.11.2020)
106. *Сухова Н.Ю.* Студенческие кружки в высшей школе (на примере православных духовных академий в России в 1890-1900-е гг.) [электронный ресурс] / Н.Ю. Сухова // Via in tempore. История. Политология – Белгород, 2010 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studencheskie-kruzhki-v-vysshey-shkole-na-primere-pravoslavnyh-duhovnyh-akademiy-v-rossii-v-1890-1900-e-gg> (дата обращения 12.11.2020)
107. *Титлинов Б.В.* Разборы духовного сословия при императрице Анне Иоанновне. Часть 1. [электронный ресурс] / Б.В. Титлинов // Христианское чтение – СПб., 2009 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razbory-duhovnogo-sosloviya-pri-imperatritse-anne-ioannovne> (дата обращения 20.10.2020)
108. Университетский Устав 1863 г. [электронный ресурс] / официальный сайт МГУ URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2760> (дата обращения 21.10.2020)
109. *Фабинский М.В.* Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, его реализация в Петрограде (по материалам Государственного Архива Российской Федерации) [электронный

- ресурс] / М.В. Фабинский // Вестник Русской христианской гуманитарной академии – СПб., 2014 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekret-ob-otdelenii-tserkvi-ot-gosudarstva-i-shkoly-ot-tserkvi-ego-realizatsiya-v-petrograde-po-materialam-gosudarstvennogo-arhiva> (дата обращения 25.11.2020)
110. *Феодосий (Васнев), митр.* Подготовка к преобразованиям в Тамбовской духовной семинарии: Устав 1867 года (исторические аспекты) [электронный ресурс] / митр. Феодосий (Васнев) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки – Тамбов, 2019 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-k-preobrazovaniyam-v-tambovskoy-duhovnoy-seminarii-ustav-1867-goda-istoricheskie-aspekty> (дата обращения 22.10.2020)
111. *Хондзинский П.,* свящ., Бежанидзе Г.В., Сухова Н.Ю., Яковлев А.И. Игнатий (Брянчанинов) // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Кирилла (Гундяева) [электронный ресурс] / свящ. П. Хондзинский – М., Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия» 2010. Т.21. URL: [http://m.pravenc.ru/text/%D0%98%D0%B3%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B9%20\(%D0%91%D1%80%D1%8F%D0%BD%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2\).html](http://m.pravenc.ru/text/%D0%98%D0%B3%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B9%20(%D0%91%D1%80%D1%8F%D0%BD%D1%87%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2).html) (дата обращения 20.10.2020)
112. *Хохлов А.А.* Идеиные и организационные принципы первых нелегальных семинарских организаций в г. Казани в конце XIX в. (на материалах национального архива республики Татарстан) [электронный ресурс] / А.А. Хохлов // Христианское чтение – Казань, 2013 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideynye-i-organizatsionnye-printsipy-pervyh-nelegalnyh-seminarskih-organizatsiy-v-g-kazani-v-kontse-xix-v-na-materialah-natsionalnogo> (дата обращения 13.11.2020)
113. *Храпков Г.Н.* Белое духовенство и его отношение к событиям 1917 года [электронный ресурс] / Г.Н. Храпков // Управленческое

- консультирование – СПб., 2017 URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/beloe-duhovenstvo-i-ego-otnoshenie-k-sobytiyam-1917-goda> (дата обращения 25.11.2020)
114. *Цыпин В.А.* Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [электронный ресурс] / прот. В.А. Цыпин / Православие.ru URL: <https://pravoslavie.ru/110393.html> (дата обращения 25.11.2020)
115. *Цыпин В.А.*, прот. Духовенство. // Православная энциклопедия / под ред. патриарха Кирилла (Гундяева) [электронный ресурс] / прот. В.А. Цыпин – М., Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2013. Т.16. URL: <https://www.pravenc.ru/text/180638.html> (дата обращения 20.10.2020)